

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

И. А. Петин

**МЕХАНИЗМ
ПРЕСТУПНОГО НАСИЛИЯ**

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР**

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Игорь Петин

Механизм преступного насилия

«Юридический центр»

2004

УДК 343.3
ББК 67.408

Петин И. А.

Механизм преступного насилия / И. А. Петин — «Юридический центр», 2004 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

В книге впервые в отечественной юридической науке сделана попытка глубокого интегрального подхода к механизму преступного поведения. Автор на основании специальной литературы, обширной судебной практики в трех регионах (изучено и обобщено 1929 учетно-статистических карточек, 488 уголовных дел), традиционного и формализованного анализа уголовной судебной статистики, выборочного социологического исследования различных категорий населения комплексно и всесторонне анализирует механизм насилия. Проблема насилия рассматривается на стыке теорий уголовной ответственности, виновности, справедливости и реализации их в поведении человека. В результате предложена целостная и логичная концепция механизма преступного поведения человека, а также вытекающих из него мер по устранению насилия. Для научных работников, аспирантов и студентов юридических вузов, представителей законодательных и судебно-следственных органов, а также для всех интересующихся уголовным правом.

УДК 343.3

ББК 67.408

© Петин И. А., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Введение	7
Глава I	12
1. Преступное насилие и криминологическое значение его признаков	12
2. Социальная природа насилия в теории и практике	46
3. Предпосылки юридизации насилия	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Игорь Петин

Механизм преступного насилия

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Владимира Ивановича Симонова, Ученого,
Человека, Учителя, сделавшего все от него возможное для выхода данной
работы, посвящается

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р. М. Асланов (отв. ред.), А. И. Бойцов (отв. ред.), Н. И. Мацнев (отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, С. Ф. Милоков, М. Г. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Рецензенты:

Г. О. Петрова, доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Г. М. Ралдыгина, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой Государственного муниципального управления Оренбургского государственного аграрного университета, заместитель директора Института Управления Оренбургского государственного аграрного университета

Editorial Board of the Series “Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure”

R. M. Aslanov (managing editor), A. I. Boitsov (managing editor), N. I. Matsnev (managing editor), B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, Yu. V. Golik, I. E. Zvecharovsky, V. S. Komissarov, V. P. Konyakhin, A. I. Korobeev, L. L. Kruglikov, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. N. Popov, M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. N. Tarbagaev, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

Reviewers:

Doctor of Law, associate professor, Head of the Department of Criminal Law of the Law Faculty of Nizhni Novgorod State University after N. I. Lobachevsky **G. O. Petrova**

Doctor of Law, professor, Head of the Department of State Municipal Administration of Orenburg State Agrarian University, Deputy Director of the Institute of Administration of Orenburg State Agrarian University **G M. Raldyguin**

For the first time in domestic legal science the book tries to make an integral approach to the mechanism criminal violence.

On the basis of special literature, widely applied judicial practice in three regions (1929 registration cards, 488 criminal cases were studied and generalized), traditional and formalized analysis of criminal judicial statistic data, sampling sociological research of different categories of population the author analyses the mechanism of criminal violence in a complex and comprehensive way.

The problem of violence is considered at the meeting point of theories of criminal responsibility, culpability, justice and their realization in human behavior. As a result the author offers complete and logical conception of the mechanism of criminal human behavior, and measure of violence elimination resulting from it.

The book is addressed to researchers, post-graduates of law schools, representatives of legislative, judicial and investigative bodies as well as to everybody who is interested in criminal law.

© I. A. Petin, 2004

© R. Aslanov Publishing House “Yuridichesky Center Press”, 2004

Введение

Вопросы совершенствования уголовного законодательства в России являются особенно актуальными, поскольку темпы прироста преступности в нашей стране в 4–5 раз выше среднемировых¹. При этом отмечаются ее опасные проявления в виде эскалации насилия, жестокости, агрессивности, коррупции, взяточничества и, как следствие, роста масштабов социальных и экономических последствий преступности².

Проблемы насильственной преступности уже не раз обсуждались многими исследователями. Однако прогрессирующий рост насильственной преступности, в особенности в настоящее время, свидетельствует о том, что действительные причины и условия насилия не устраняются, и, следовательно, механизм воспроизводства преступного насилия практически не затрагивается принимаемыми для этого мерами противодействия.

Отсюда – кризисное состояние криминологической ситуации в данной сфере. В настоящее время характер и распространенность насилия представляют серьезную опасность для сосуществования людей. Нередки случаи применения насилия или оружия при похищении людей, захвате заложников и совершении актов терроризма или диверсий, которые могут иметь тяжелые материальные, психические и иные последствия³.

Преступное насилие является неотъемлемой составной частью таких проблем, как наркоторговля, коррупция, безвестное отсутствие граждан, организованная преступность, которые, по обоснованному заявлению А. И. Гурова, создают угрозу национальной безопасности России⁴. Растет рынок работорговли, в том числе в целях трансплантации человеческих органов.

Несмотря на постоянное сокращение численности населения России, абсолютное количество преступлений превышает существующий прежде уровень в несколько раз. Объективные данные свидетельствуют о том, что действующая уголовная политика не достигает поставленных целей. Увеличение сроков наказания в виде лишения свободы, казалось бы, должно приводить к «очищению» общества от опасных «элементов» и уменьшению преступности. Но факты свидетельствуют о росте рецидива преступлений, в том числе за счет преступных насильственных посягательств.

Продолжает возрастать уличная преступность – за счет совершения убийств и покушений на убийство⁵, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований и других насильственных преступлений⁶. Тревожным является тот факт, что в России ежегодно подвергается насилию около 2 млн детей⁷, что не может не влиять на будущее страны. А число осужденных, совершивших особо тяжкие и тяжкие преступления в несовершеннолетнем возрасте в Оренбургской области за период с 2001 по 2003 г. выросло с 708 до 1692, т. е. более чем в два раза⁸.

Особую тревогу вызывает женская насильственная преступность, которая, как справедливо отмечает Ю. М. Антонян, является показателем «нравственного здоровья общества, его

---

¹ Российское законодательство: проблемы и перспективы / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ / Под ред. Л. А. Окульнова, К. П. Орловского, Ю. А. Тихомирова. М.: Изд-во «БЕК», 1995. С. 338.

² Там же. С. 339.

³ Достаточно вспомнить события 11 сентября 2001 г. в США.

⁴ Гуров А. И. Угрозы национальной безопасности Российской Федерации и их уголовно-правовое регулирование // Материалы Междунар. науч. конф. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. «Уголовное право в XXI веке». М., 2002. С. 13.

⁵ Преступность и правонарушения (1991–1995). Статистический сборник. Министерство внутренних дел РФ. Министерство юстиции РФ. Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. М., 1996. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Насильственная преступность / Под ред. В. Н. Кузнецова и А. В. Наумова. М., 1997. С. 6.

⁸ Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 12 месяцев 2001, 2002, 2003 годы Управления судебного департамента Верховного Суда РФ по Оренбургской области. Форма № 12.

духовности, отношения к основным общечеловеческим ценностям»⁹. Исследователь указывает на разлагающее действие насильственного поведения женщин на несовершеннолетних и непосредственную связь с преступностью молодежи. В частности, число несовершеннолетних женщин, осужденных за преступления в Оренбургской области за период с 2001 по 2003 г., выросло с 86 до 121¹⁰.

Рост насильственной преступности наблюдается не только в масштабе страны, но и по отдельным регионам. Так, в 1996 г. в Оренбургской области было совершено 1364 преступления против личности, что составило 4,1 % от общего числа зарегистрированных преступлений, в Самарской области за тот же период совершено 1766 (3,7 %), а в Свердловской – 3964 соответствующих преступлений (3,7 %)¹¹. Из них в Оренбургской области зарегистрировано 440 убийств и покушений на него, в Самарской области – 755, в Свердловской – 941¹²; умышленных тяжких повреждений соответственно – 729, 821 и 2707¹³; изнасилований и покушений на него – 192, 164 и 298¹⁴.

В 1998–1999 гг. продолжался рост общего числа зарегистрированных преступлений, причем преимущественно за счет насильственной преступности¹⁵. В 1999 г. было выявлено 523 преступления, квалифицированные по ст. 209 УК РФ (бандитизм), 155 убийств по найму, 1554 похищений людей¹⁶. В 2001 г. совершено 465 фактов бандитизма, 327 террористических посягательств, 101 убийство по найму, 1417 похищений людей¹⁷.

В целом по стране фиксируется неуклонный рост убийств (с 23 тыс. в 1992 г. до 32,3 тыс. в 2002 г.), умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (с 53,9 тыс. в 1992 г. до 58,5 тыс. в 2002 г.), грабежей (со 112 тыс. в 1997 г. до 167 тыс. в 2002 г.), разбоев (с 30,4 тыс. в 1992 г. до 47,1 тыс. в 2002 г.), хулиганства (со 121 тыс. в 1992 г. до 133 тыс. в 2002 г.)¹⁸.

При этом, рассматривая статистические показатели, необходимо учитывать, что под зарегистрированным преступлением понимается не только «выявленное», но и «взятое на учет» правоохранительными органами преступное деяние¹⁹. То есть латентная преступность может внести в официальную статистику весьма значимые коррективы.

В настоящее время преступность, в особенности исследуемая²⁰, фактически «бросает вызов XXI веку»²¹.

Помимо количественного роста происходят качественные изменения насильственной преступности – она становится все более организованной, профессиональной, коррумпированной. Обострение проблем неразрывно связано с деятельностью человека, его поведением. Ситуация осложняется тем, что в XX в. началось стремительное развитие технических и прикладных наук, результаты которых могут оказаться и оказываются в руках преступников, что многократно увеличивает опасность насилия и ведет к возникновению глобальных проблем человечества.

⁹ Антонян Ю. М. Преступность женщин. М.: ВНИИ МВД России, 1992. С. 4.

¹⁰ Отчет об осужденных...

¹¹ Состояние преступности в России за 1996 год. МВД РФ. Главный Информационный центр. М., 1996. С. 42.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Под общ. ред. А. И. Гурова. М., 2000. С. 7.

¹⁶ Российский статистический ежегодник 2000: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. С. 243.

¹⁷ Российский статистический ежегодник 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 273.

¹⁸ Россия в цифрах. 2003: Краткий стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 137.

¹⁹ Там же.

²⁰ Криминологические исследования в мире / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 1995. С. 4.

²¹ Там же. С. 3.

При такой ситуации предпринимаются попытки регулирования преступного поведения при помощи вторжения в неизученный в системном отношении генетический механизм человека, что чревато выходом из-под контроля результатов непродуманных и неосознанных экспериментов и созданием угрозы всему разумному человечеству.

Настораживает и следующий факт. Исследователями отмечается, что стремительный рост преступности, в частности корыстно-насильственной, и низкая раскрываемость (не более 50 %) ставят перед необходимостью обсуждения вопроса «о мерах стабилизации преступности или хотя бы о резком замедлении темпов ее роста»²². Отмечаемая криминологами чрезвычайная ситуация в сфере насильственных преступлений ставит перед необходимостью принятия чрезвычайных мер «по ее осмыслению, выработке нестандартных мер профилактики»²³.

Насилие является признаком составов многих преступлений и, как правило, квалифицирующим, что говорит о важности совершенствования мер уголовного воздействия на насильственную преступность. Особую актуальность в современном информационном обществе приобретает психическое насилие. По результатам проведенных автором эмпирических исследований, до 63 % респондентов оценивают опасность психического насилия как чрезвычайно высокую. При этом до 91 % опрошенных обоснованно считают, что уголовное законодательство не предусматривает ответственность за все виды психического насилия. В связи с этим вопросы защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов потерпевших от преступлений и полного восстановления причиненного им вреда требуют своего разрешения.

Вместе с тем в правовом государстве нельзя не принимать во внимание, что преступник также обладает правами, свободами и законными интересами. Данный вопрос приобретает особое значение с учетом того, что причины и условия насильственного поведения людей обусловлены существующими общественными институтами. Поэтому юридическая сложность проблемы заключается в том, что реформирование законодательства, регулирующего криминальную сферу, и основанная на нем правоприменительная практика должны учитывать права, свободы и законные интересы обеих сторон конфликта при строгом соблюдении принципов законности, виновности, справедливости, равенства и гуманизма.

Фактический рост насильственной преступности, несмотря на принятие нового уголовного законодательства, неустойчивая уголовная политика, характеризующаяся многочисленными изменениями уголовного законодательства, введение в систему наказаний смертной казни и пожизненного лишения свободы свидетельствуют о неэффективности существующего уголовного закона и необходимости пересмотра парадигмы модели познания преступления, его субъекта, а также сущности мер исправительного воздействия как в криминологии, так и в уголовном праве. Проблема насильственного поведения, как частная проблема человека, превращается в общую проблему наук криминального цикла. Поэтому требуется принятие реальных мер к достижению криминологической обусловленности, логичности и соответствия диалектическим законам норм, отдельных институтов и уголовного законодательства в целом.

Исследованием различных проявлений насилия занимались С. Н. Абельцев, В. М. Анисимков, Ю. М. Антонян, В. Д. Блувштейн, С. В. Бородин, Б. С. Волков, Л. Д. Гаухман, А. А. Герцензон, П. С. Дагель, А. И. Долгова, Н. П. Дубинина, Н. Д. Дурманов, М. И. Еникеев, Н. И. Загородников, Н. Г. Иванов, И. И. Карпец, И. Я. Козаченко, Л. В. Кондратюк, А. Н. Красилов, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев, Р. И. Михеев, А. В. Наумов, В. А. Никонов, Н. А. Носов, В. Г. Павлов, А. А. Пионтковский, Р. А. Сабитов, А. Б. Сахаров, В. И. Симонов, О. Д. Ситковская, Н. Г. Иванов, С. А. Тарарухин, М. Д. Шаргородский, В. С. Устинов, Д. Н. Узнадзе, Г. Й. Шнайдер, А. А. Яковлев и др. Многие вопросы насилия рассматривались в диссертациях

²² Проблемы уголовной политики и уголовного права в условиях роста преступности в России // Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовноправовой теории. М., 1994. С. 9.

²³ Криминологические исследования в мире. С. 4.

В. Ф. Ивановой, И. Я. Козаченко, Г. К. Кострова, С. К. Лесного, А. В. Мазукова, И. М. Мацкевич, В. С. Метельского, Т. А. Плаксиной, А. Л. Ренецкой, В. И. Симонова, Л. В. Сердюка, Р. Д. Сабирова, А. В. Усса, А. Д. Чернявского, Г. И. Чечеля, А. В. Шеслера, Б. В. Яценко и др.

Вместе с тем проблема преступного насилия в обществе остается открытой. В частности, в настоящее время в практическом плане не разрешен вопрос о механизме взаимосвязи теории и практики насильственного поведения. Формальное совершенствование уголовного закона, не устраняющее реальные причины насилия, неспособно предотвратить следствие существующих причин. Рассмотрение отдельных, разрозненных аспектов проблемы насилия не привело к их разрешению. В этой связи требуется комплексное рассмотрение насильственного поведения и разрешение ситуации на уголовноправовом, криминологическом и социальном уровнях. Только после выявления подлинных причин и условий совершения преступления облегчается задача по их устранению и предупреждению таких преступлений в дальнейшем.

Объектом настоящего исследования является механизм преступного насилия: основные элементы данного механизма, их взаимосвязи и связи с внешней средой. В структуру явления входят социально-экономические и политические условия, влияющие на механизм насилия. В связи с этим изучены не только онтологические, но и гносеологические моменты преступного насилия.

Исследованы также причины и условия возникновения и существования преступного насилия в обществе; уголовно-правовые и криминологические аспекты данного явления; функциональные особенности насилия как элемента обратной связи общественного организма, роль потерпевшего в генезисе насилия; особенности квалификации насильственного поведения, степень соответствия нравственным требованиям деятельности правоохранительных и судебных органов, направленной на борьбу с насильственной преступностью.

Одновременно предложены новая концепция предупреждения преступного насилия, варианты совершенствования уголовного законодательства, меры для достижения криминологической обусловленности норм уголовного права и выполнения их предупредительно-охранительных функций, а также диалектический путь гармоничного развития человека, общества и государства.

Методологическая основа исследования строится на диалектическом методе научного познания, отражающем, в частности, неразрывную связь теории и практики. Автором использованы различные методы исследования общего и частного характера: исторический, формально-логический, сравнительно-правовой, системный, анализа и синтеза, индуктивный и дедуктивный, статистический, анкетирование, принцип неразрывности метода и истины, диаграммы и др. В целях методического и информационного обеспечения исследования в работе, помимо традиционных методов анализа действующих юридических норм, их исторического, систематического и грамматического толкования, использовались социологические приемы обработки информации.

Автором реализован комплексный и нетрадиционный подход к анализу механизма насилия и его основных элементов, выявлению взаимодействия между ними и проявления их в поведении человека в целом. Рассмотрены первоначальные этапы формирования моделей насильственного поведения и их трансформация в социальной действительности, раскрыты содержание и общественная опасность преступного насилия, основанного на скрытом управлении поведением человека при помощи подсознательных процессов психики, а также особенности механизма воздействия насилия на индивида. Насильственное поведение рассматривается как признак неадекватной оценки субъектом целостного устройства мира и взаимосвязанности физических и психических явлений. Субъект преступления и потерпевший также представляют собой единое целое. При этом в целях предупреждения насилия из двух сторон конфликта следует обращать больше внимания на роль потерпевшего и его предшествующее поведение.

Проблема механизма насилия рассматривается на стыке теорий уголовной ответственности, виновности, справедливости и поведения личности. Выяснение содержания механизма насилия, его элементов, взаимосвязи и особенностей их проявления в поведении человека, а также анализ правоприменительной практики, законодательства зарубежных стран об уголовной ответственности за насилие позволили автору обосновать выводы о необходимости оптимизации правоприменительной практики, изменения и дополнения действующего уголовного законодательства.

С учетом выводов о социальной обусловленности, значимости поведения субъекта, степени его свободы предложена целостная конструкция понятия преступного насилия, определены его элементы и признаки, понятие и содержание вины, рассмотрена профилактическая роль процесса квалификации насилия. Проанализированы различные аспекты применения правовых норм к оценке характера и степени общественной опасности насильственного поведения субъекта, назначению уголовного наказания за него, исправлению лица, совершившего преступление, стабилизации криминологической ситуации и ее сокращению.

Глава I

Социально-правовая характеристика преступного насилия

1. Преступное насилие и криминологическое значение его признаков

Несмотря на давно отмечаемую криминологами чрезвычайную ситуацию в сфере насильственных преступлений²⁴, в действующем уголовном законодательстве отсутствует само понятие насилия²⁵, что отмечал, в частности, В. И. Симонов²⁶. Ю. А. Тихомиров подчеркивал важное значение нормативных понятий и терминов, применяемых в законодательстве²⁷. Л. Д. Гаухман выделял среди проблем УК РФ 1996 г., вытекающих из его содержания и вызывающих трудности при его применении на практике, такие как бланкетность, декларативность и казуистичность норм закона²⁸. Ю. Ляпунов отмечал в качестве нерешенной проблемы неполноту дефинитивных уголовноправовых норм²⁹.

По результатам социологических опросов 40 % судей и осужденных женщин, до 55 % студентов юридического факультета университета указали на то, что от четкой и ясной формулировки закона в большей степени зависит соблюдение принципов уголовного права. Следует отметить, что в настоящее время все больше исследователей обращают внимание на умаление принципа законности, игнорирование в поведении человека права, упадок его престижа³⁰, при этом возвышенные представления о нем, его верховенстве в жизни демократического общества превращаются в «уходящие в прошлое рудименты правовой романтики и юридических иллюзий»³¹.

К методологии правопонимания в научной литературе имеются различные подходы. Среди основных правовых направлений познания можно отметить государственно-организационную, психологическую, социологическую, нормативную теории и их различные сочетания. Вместе с тем было бы неправильным отдавать приоритет какой-либо одной теории, поскольку каждая из них имеет право на существование, отражая соответствующие закономерности реальности. Следует согласиться с А. В. Корневым, отмечавшим, что право «не может быть понято вне связи с фактами и условиями действительной жизни»³². Тем более, что происходящие процессы реформирования российского общества и изменение приоритетов и ценно-

---

²⁴ Криминологические исследования в мире. М., 1995. С. 4.

²⁵ Под насилием (насильственным поведением) в настоящей работе понимается виновное преступное действие в различной форме его проявления, не относящееся к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. Данная оговорка вызвана тем, что в теории различают «законное насилие» (См.: Симонов В. И. Уголовноправовая характеристика физического насилия: Дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 17). В необходимых случаях применяются общепринятые понятия насилия.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Как готовить закон (научно-практическое пособие) / Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин, Т. Н. Рахманина. М., 1993. С. 9.

²⁸ Гаухман Л. Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Материалы Междунар. науч. конф. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. «Уголовное право в XXI веке». М., 2002. С. 48.

²⁹ Ляпунов Ю. Российское уголовное законодательство: резервы совершенствования // Уголовное право. 2002. № 2. С. 47.

³⁰ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 190.

³¹ Там же.

³² Корнев А. В. К вопросу о правопонимании в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 5. С. 93.

стей «заставляют задуматься о путях и перспективах развития современной российской государственности»³³.

Структура понятий права была предметом исследований таких ученых, как Л. О. Резников, Д. П. Горский, Г. А. Курсанов, А. Н. Филатова, Е. К. Войшвилло, А. С. Арсеньев, В. С. Библер, В. М. Кедров, И. Я. Чупах, М. Н. Алексеев, В. В. Копнин, В. И. Мальцев, А. К. Манеев, В. Т. Павлов, М. М. Розенталь, В. И. Черкесов, А. И. Уемов и многих других.

К тому же существует также проблема толкования закона, «изначальной возможности многоосмысленности правового текста при функциональном требовании его однозначности»³⁴. Данная проблема будет существовать до тех пор, пока не будут решены вопросы гносеологических и логических закономерностей восприятия определений права на уровне конкретной личности. Причем наибольшие трудности вызывает гносеология как теория познания³⁵. Действительно, вопрос о том, что есть знание, а что – мнение, что есть истина и что заблуждение, всегда является актуальным. Знание, по существу, является отражением предмета знания. Насколько психическая модель мира соответствует окружающей действительности, зависит от аппарата восприятия индивида³⁶.

Ни в какой науке не может устанавливаться свод незыблемых правил и норм, поскольку истина относительна и отражает объект не полностью, а в известных пределах, при определенных условиях, отношениях, которые постоянно изменяются и развиваются. Каждая ступень познания обусловлена историческими условиями жизни общества и уровнем его практики, т. е., практически любая истина относительна. Абсолютизация истины неизбежно приводит к заблуждению и догматизму мышления. Целью метода познания является установление истины, т. е. воспроизведение объекта познающим его субъектом «таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания»³⁷. И нередко познание истины связано с возникновением и разрешением противоречий.

Степень приближения к истине зависит от качества познавательного аппарата анализирующего объект исследователя. Но, поскольку «охватить сознанием все его многообразие невозможно – приходится отвлекаться от части обстоятельств»³⁸, абсолютная истина вряд ли достижима, да и нет необходимости учитывать буквально все существующие связи, свойства того или иного явления. Для соблюдения принципов и норм уголовного права достаточно выявить элементы, определяющие или влияющие на причинно-следственные связи событий и явлений.

В практической деятельности для субъекта интерес представляет конкретная истина, предполагающая точный учет всех существенных условий объекта познания, выделение главных, существенных свойств и тенденций его развития. «Абстрагирование допустимо в тех пределах, в которых оказавшимися за «бортом» обстоятельствами можно пренебречь. Весь вопрос, следовательно, в том, чтобы правильно оценить роль внешних обстоятельств по отношению к избранному предмету исследования»³⁹. Принцип конкретности является одним из основных принципов диалектического подхода к познанию и требует подходить к исследуемым фактам с учетом реальных условий и конкретной обстановки.

³³ Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности: Учеб. пособие. М., 1998. С. 3.

³⁴ Суслов В. В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. С. 116.

³⁵ «Теория познания, гносеология, эпистемология – раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания и его возможностей, отношения знания к реальности, исследуются условия его достоверности и истинности. Теория познания как философская дисциплина анализирует всеобщие основания, дающие возможность рассматривать познавательный результат как знание, выражающее реальное, истинное положение вещей» (Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 678).

³⁶ Данный вопрос будет раскрываться применительно к теме работы в следующих главах.

³⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 226.

³⁸ Плотников А. И. Объективное и субъективное в уголовном праве (оценка преступления по юридическим признакам). Оренбург, 1997. С. 11.

³⁹ Там же.

Г. К. Мишин в целях раскрытия сущности и правильного использования диалектического метода для разрешения проблем уголовного права и уголовной политики обоснованно предлагает использовать научное наследие, в частности, Гегеля, рассматривающего мир как систему, и Канта, «указавшего на неразрывность идеального и материального и обосновавшего таким образом невозможность разделения субъекта и объекта научного познания»⁴⁰.

Р. Ф. Абдеев предлагает в качестве универсального критерия любого организационного процесса считать количественный информационный критерий. Формирование новой структуры (общества, закона) начинается в условиях максимальной информационной энтропии (хаоса, неопределенности), развитие которой подчиняется законам диалектики, со временем амплитуда колебательного процесса уменьшается и он переходит в эволюционную стадию развития⁴¹.

Соотношение объективного и субъективного в познании в методологическом отношении важно для любой науки. Указанные категории представляют в совокупности единое целое, но в целях познания истины окружающая реальность рассматривается с определенных позиций, абстрагируясь от тех или иных отношений. Таков метод познания, который «локализует действительность, дробит ее на части и «конструирует в понятие такую реальность, которая как таковая не встречается в действительности»⁴².

Разделение преступного деяния на элементы и признаки, на объективную и субъективную стороны имеет вспомогательное и методологическое значение, а именно – способствует процессу постижения истины. Сначала происходит разделение и изучение отдельных сторон, а затем – синтез, т. е. соединение, обобщение и соответствующие выводы о наличии или отсутствии насильственного преступления. «Границы объективного и субъективного определяются целями, задачами и уровнем проводимого исследования»⁴³. Во избежание заблуждения следует строго определять критерии выбираемых границ и в дальнейшем четко их придерживаться. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы понятия насилия, его форм и видов имели достаточно определенное содержание и не порождали различные толкования при правоприменении.

Не менее важным является закрепление выявленного в правовых формах. Вместе с тем, как указывал П. С. Юшкевич, все научные понятия имеют запутанную и длинную историю⁴⁴. В. Е. Жеребкин также отмечал неразработанность проблемы логического анализа понятия права⁴⁵, что связано с недостаточно полной изученностью явления, логическими ошибками, уклонением от логических выводов. Только учет в содержании нормы действительной сущности явления, особенностей их проявления и понимания в реальности является необходимым условием выполнения нормой роли позитивного регулятора в развитии охраняемых отношений⁴⁶.

В явлении выражается внешняя форма существования предмета бытия. В мышлении же понятие при помощи категорий сущности и явления должно определять переход от многообразных форм предмета к его внутреннему содержанию и единству⁴⁷. Под преступным деянием вообще понимается акт внешнего поведения человека, который может быть как насильственным, так и ненасильственным. Под насильственным понимается акт, совершаемый «путем

⁴⁰ Спиркин А. Г. *Философия: Учебник*. М., 1999. С. 39.

⁴¹ Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации*. М., 1994. С. 110.

⁴² Плотников А. И. *Объективное и субъективное в уголовном праве*. С. 5.

⁴³ Там же. С. 30.

⁴⁴ *Русский позитивизм*. Лесевич. Юшкевич. Богданов / Отв. ред. А. Ф. Замалеев, А. И. Новиков. СПб., 1995. С. 132.

⁴⁵ Жеребкин В. Е. *Логический анализ понятий права*. Киев, 1976. С. 5.

⁴⁶ Комаров С. А. *Общая теория государства и права: Курс лекций*. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 175.

⁴⁷ Там же.

насилия, притеснения»⁴⁸. Для уголовного права имеет значение лишь та человеческая активность, которая проявилась вовне и при этом угрожает чьим-либо правам, свободам или законным интересам. Причем преступное деяние представляет собой единство объективной и субъективной сторон. Зная содержание и формы проявления деяния, нетрудно дать определение насильственной преступности.

Отсутствие в УК РФ понятия насилия и его признаков свидетельствует как о неизученности данного явления, так и о недооценке его правового урегулирования. Хотя и первое и второе взаимосвязаны между собой: неизученность является препятствием для отражения признаков насилия и оценки его в правовой форме. Задача науки криминология – правильное определение сущности насилия. Исследователями постоянно обращается внимание на недопустимость в борьбе с преступностью «не учитывать закономерности развития и функционирования этого явления»⁴⁹, поскольку это ведет к непродуманной уголовной политики в сфере насилия, ее конъюнктурной изменчивости, судебному произволу и приносит вред человеку и обществу, усугубляя имеющиеся противоречия.

Вместе с тем определение насилия существует в теории и в правосознании практических работников. Так, в частности, Л. Д. Гаухман считает, что под «насилием в уголовном законодательстве понимается только физическое насилие, а ответственность за угрозу насилием (т. е. психическое воздействие. – И. П.) должна оговариваться в диспозиции закона»⁵⁰. Отсутствие законодательного понятия насилия вносит неопределенность в правоприменительную практику. Как показали результаты проведенных нами социологических исследований, из разных категорий опрошенных только 100 % судей считают психическим насилием любую угрозу. Среди других респондентов (студенты, сотрудники правоохранительных органов, персонал администрации исправительных учреждений, юристы-правозащитники, осужденные мужчины и женщины) не наблюдалось такого единообразия.

Как отмечает В. В. Лунеев, в основном о совершении насилия судят по его результатам в виде причинения смерти, телесных повреждений или психического вреда⁵¹. В правоприменительной практике, как правило, не существует особых препятствий для правильной квалификации физического проявления насилия, достаточно подробно рассмотренного в теории⁵². Что же касается психического воздействия, то здесь нередко возникают трудности, в том числе вследствие отсутствия законодательного определения насильственного действия.

Исходя из принципа законности насилие, как частная форма преступного поведения, также должно соответствовать признакам преступления⁵³, предусмотренным в ч. 1 ст. 14 УК РФ, т. е. быть общественно опасным, виновным и запрещенным названным Кодексом действием под угрозой наказания.

Действующий УК РФ также не дает определения общественной опасности. В современной теории уголовного права общественная опасность считается признаком материального понятия преступления, указывающего на критерий вреда охраняемым интересам⁵⁴. Как верно замечает Г. П. Новоселов, проблема соотношения материального и формального в понятии преступления окончательно еще не разрешена⁵⁵. В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина, отмечая, что

⁴⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994. С. 335.

⁴⁹ Криминологические исследования в мире. С. 21.

⁵⁰ Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 75.

⁵¹ Насильственная преступность. С. 6.

⁵² Подробнее см.: Симонов В. И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия.

⁵³ Здесь и далее ссылка на преступность, преступление и явления, связанные с ними означает, что автор распространяет рассматриваемые их закономерности на насилие как частный случай преступного поведения.

⁵⁴ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 123.

⁵⁵ Новоселов Г. П. Актуальные вопросы учения об объекте: методологические аспекты: Дис... докт. юрид. наук. Екатерин-

под общественной опасностью понимается прямой ущерб охраняемым объектам преступного посягательства или возможность причинения такого вреда⁵⁶, вместе с тем считают, что общественная опасность не является отдельным, самостоятельным признаком, а как бы «разлита» по всему составу преступления⁵⁷.

По существу это означает, что общественной опасностью может обладать субъект сам по себе, независимо от последствий, а также виновность, т. е. форма мышления и, как правило, отдельно от мотивов и целей, которые далеко не всегда являются обязательными признаками преступления. В этом случае общественная опасность становится довольно неопределенным и трудноуловимым понятием и практически сводится к признаку противоправности, поскольку включение деяния в Уголовный кодекс, по мнению В. Н. Кудрявцева и С. Г. Келиной, свидетельствуют об его общественной опасности⁵⁸. Однако самостоятельный признак преступления не может определяться через другой его признак.

Определение преступления, предусматривающее вместо аморфного понятия общественной опасности причинение вреда или создающее его угрозу, было верно отражено в проекте УК 1994 г.⁵⁹ Опасения, что «вредность» не сможет заменить «общественную опасность»⁶⁰ свидетельствуют о том, что уголовным законодательством не затрагиваются и не регулируются многие проявления преступного поведения и их последствия. Видимо, сторонники неравноценности названных понятий олицетворяют вред с очевидным, физическим вредом, а под общественной опасностью понимают и иные виды последствий преступлений, включая последствия психического характера.

Наиболее разумным является изучение механизма насилия, его элементов и их взаимосвязи, а также проявления его форм на всех уровнях деятельности человека в обществе. В этом случае станет возможным выявление определенного причиненного вреда охраняемым интересам. Одновременно можно будет учитывать причиненный вред конкретному лицу, а не выявлять некую «общественную» опасность. В конечном счете это даст более точное и конкретное определение признаков как преступления вообще, так и преступного насилия в частности.

В ч. 2 ст. 17 Модельного уголовного кодекса общественно опасным признавалось деяние, которое причиняет или создает возможность причинения ущерба охраняемым общественным отношениям⁶¹. В свое время Н. С. Таганцев неразрывно связывал преступность деяния с определенными и весьма разнообразными последствиями в реальности⁶². Б. С. Никифоров справедливо указывал на то, что общественная опасность является материальной характеристикой преступного действия⁶³.

Таким образом, показателем общественной опасности, тем более насильственного преступления, должен быть причиненный вред или реальная угроза его причинения. В качестве преступного деяния признается также угроза соответствующим охраняемым интересам совокупности индивидов, т. е. обществу в силу неразрывности части и целого. Критерий причиненного вреда делает состав насильственного преступления реально работающим, а защита интересов личности означает защиту общественных интересов как совокупности индивидов.

бург, 2001. С. 139.

⁵⁶ Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 143.

⁵⁷ Там же. С. 144.

⁵⁸ Там же. С. 145.

⁵⁹ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. С. 134.

⁶⁰ Там же. С. 135.

⁶¹ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Академия наук СССР; Ин-т государства и права. М., 1987. С. 44.

⁶² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 277.

⁶³ Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., С. 138.

При рассмотрении признака виновности⁶⁴ всегда необходимо учитывать, что поведение любого человека всегда конкретно и в каждый момент обусловлено определенными предшествующими преступлению обстоятельствами. Научный эксперимент и научные дефиниции помогают познанию мира и его закономерностей, но они всегда отличаются от реальной жизни. Аспектом социологического изучения являются субъективные характеристики индивидов, но ранее, как отмечает В. В. Семенова, они теряли свое значение в результате обобщения массовых данных и применения количественного анализа. Данная тенденция сохранилась и в настоящее время⁶⁵. Но каждый человек – это исключение из правил, и такое исключение должно стать правилом в науке и правоприменительной практике. Следовательно, преступное насилие должно быть, по меньшей мере, виновным и вредоносным действием, запрещенным УК РФ под угрозой наказания.

Несмотря на то, что понятие преступления по действующему уголовному законодательству признается в теории материальным, оно таковым не является. В соответствии со ст. 15 УК РФ характер и степень опасности деяния определяется в зависимости от размера уголовной санкции, устанавливаемой законодателем. Но данный критерий относится к формальному признаку состава преступления – его противоправности. Отсюда следует, что понятие преступления является формальным, а потому не всегда выражающим сущность явления. Сказанное не только полностью относится к понятию насилия, но и обостряет проблему квалификации и предупреждения насильственного поведения.

Рассматриваемая ситуация может быть осложнена тем, что умышленные действия субъекта могут привести к созданию таких обстоятельств, при которых дальнейшее развитие событий выйдет из-под контроля этого лица. Здесь возникает вопрос о виновности и наказании субъекта. Действующее уголовное законодательство не в полной мере разрешает такую ситуацию. В п. 2 ст. 28 УК РФ говорится, что деяние лица, которое предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам, признается совершенным невиновно.

Очевидно, что данное положение принято законодателем в целях недопустимости привлечения к уголовной ответственности лиц, деятельность которых правомерна по сути и в процессе которой невиновно наступает определенный вред. Но вряд ли можно исключить ситуацию, когда субъект какой-либо преступной деятельности заявит о невиновности причинения вреда со ссылкой на п. 2 ст. 28 УК. Например, террорист, запустивший взрывное устройство и решивший после этого предотвратить последствия взрыва, не смог сделать этого в силу возникших условий, сильных нервно-психических перегрузок, и т. д. Возможны и другие, более абсурдные ситуации, когда совершение конкретного действия также означает потерю контроля над развитием дальнейших событий, например производство выстрела.

Имеются два аспекта разрешения этого вопроса: предусмотреть в законодательстве, что деяние не должно быть преступным изначально, и уточнить момент возможности совершения предусмотренной обязанности поступать определенным образом. Любое событие возникает, развивается и разрешается в пространственных и временных рамках. В определенных границах лицо может оказывать влияние на дальнейшее развитие явления. И если в момент, когда обязанное лицо могло совершить предусмотренное действие, его не совершило, оно должно нести ответственность за наступившие последствия.

Поэтому выход из-под контроля ситуации в *последующий* момент не должен служить оправданием для виновного, если он мог и должен был предвидеть дальнейшее развитие собы-

⁶⁴ Более подробно данный вопрос рассматривается в последующих главах.

⁶⁵ Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С. 19.

тий. Отдавать разрешение данного вопроса теории, практике и здравому смыслу является нарушением принципов уголовного права и может быть условием или причиной судебного произвола. Точное установление в законе преступного деяния, критериев его проявления в объективной реальности способствует правильной квалификации объективной стороны преступления, являющейся важнейшей предпосылкой для уголовной ответственности лица.

В связи со сказанным предлагается следующая редакция п. 2 ст. 28 УК РФ: «Если в ходе деяния, не являющегося преступлением, наступают общественно опасные последствия, то лицо, причастное к этому, которое, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) и должно было предотвратить их в должный момент, но не могло этого сделать в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психических перегрузок, признается невиновным в наступлении таких последствий».

Насильственное поведение имеет свою сущность, выражающуюся «в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия»⁶⁶. В. И. Даль определял насилие как «принуждение, неволя... действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное»⁶⁷. Совершать насильственные действия означает «принуждать... к чему-либо силой... управлять или вообще держать в подчинении силою, насильством»⁶⁸. Насильник в массовом сознании рассматривался как «притеснитель, обидчик, своевольник, самоуправщик, достигающий воли своим насилием»⁶⁹. Сама деятельность преступника может состоять из простых движений, например размахнулся и ударил, достал нож и нанес повреждение, или сложной умственной и физической деятельности, что характерно для случаев приготовления и покушения на преступление.

Поскольку насилие совершается человеком против человека или сообщества людей, понятие «насилие» должно учитывать сущность индивида, которую, в свою очередь невозможно уяснить без обращения к его психической основе.

Психика человека (от греч. *psychikos* – душевный) представляет собой «свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой отражения субъектом объективной реальности. Будучи продуктом жизнедеятельности субъекта, психика, опосредствуя ее, выполняет функцию ориентации, управления ею»⁷⁰. Основными теоретическими принципами психологии являются: 1) признание детерминированности психических явлений материальной действительностью; 2) изучение психики человека во взаимосвязи биологических и социальных факторов; 3) признание неразрывной взаимосвязи психики и деятельности⁷¹; 4) генетический подход к психическим явлениям, исследование их в развитии. Последний принцип, как было сказано выше, вытекает из остальных трех, а в объективной реальности его влияние на поведение индивида осуществляется через родителей при соблюдении оставшихся принципов. Из указанных принципов вытекают два важных вывода: а) полная обусловленность психических явлений различными факторами окружающей действительности; б) неразрывная взаимосвязь внешней деятельности человека и его психики⁷².

Таким образом, человек – комплексная живая система, представляющая совокупность духовного, биолого-физического и социального начал. Как образно выразился Е. Бафия, чело-

⁶⁶ Философский энциклопедический словарь. С. 665.

⁶⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 3. С. 468.

⁶⁸ Там же. С. 468–469.

⁶⁹ Там же. С. 469.

⁷⁰ Философский энциклопедический словарь. М., С. 547.

⁷¹ Енрикеев М. И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. М., 1996. С. 44.

⁷² Причем эти выводы верны как по отношению к преступнику, совершающему насилие, так и к потерпевшему, что требует отдельного рассмотрения.

век состоит из трех пластов: а) тела; б) социальных связей; в) психики⁷³. Интегрирующим началом, безусловно, является психическая сфера индивида. Соответственно деятельность человека может проявляться в психоэмоциональной, физиологической и социальной сферах.

Следовательно, и преступно воздействовать на человека путем применения физической или психической формы насилия, либо в их совокупности, возможно в этих сферах проявления деятельности. Таким образом, преступное насилие может быть направлено на жизнь, психику человека, его телесную неприкосновенность, включая воздействие на его внутренние органы, и совершено против либо помимо его воли. Оно способно причинить человеку какие-либо психические травмы, органические и физиологические повреждения, ограничить свободу его волеизъявления или действий, ущемить его достоинство, половую свободу, честь и доброе имя, свободу совести и вероисповедания, неприкосновенность жилища, а равно иные личные неимущественные права или нематериальные блага, а также права собственности.

Вместе с тем до последнего времени, как отмечает О. Д. Ситковская, юридико-психологические исследования отличались серьезным внутренним противоречием, заключающимся в том, что закономерности и механизмы психической деятельности при определении системы юридической психологии «по существу игнорировались»⁷⁴, а о потребности использования психологических знаний в уголовно-правовом регулировании, в том числе на законодательном уровне, как правило, не упоминается⁷⁵.

Применение насилия можно рассматривать в трех аспектах: 1) субъект насилия; 2) формы и средства преступного воздействия на охраняемые права, свободы и законные интересы; 3) сфера проявлений деятельности субъекта насилия. Насилие может совершаться как одним субъектом, так и в соучастии, формы и виды которого определены законодательством.

Формы и средства преступной насильственной деятельности могут быть довольно разнообразны. Их можно разделить на две группы: одушевленные и неодушевленные. К первой группе относятся не достигшие возраста уголовной ответственности или невменяемые лица, представители животного мира. Ко второй группе следует отнести все виды оружия, предметы, приспособленные или используемые в качестве оружия, иные подручные средства, различные силы и закономерности природы, охватываемые умыслом виновного.

Формы и средства насильственного воздействия могут быть классифицированы по иному критерию, а именно: а) непосредственные (путем личного контакта с физическим телом потерпевшего); б) при помощи иных орудий и средств (могут быть специально предназначенные для нанесения повреждений или поражения потерпевшего, в частности, предусмотренные в ФЗ «Об оружии», и вспомогательного назначения (естественного происхождения, бытового или иного характера)); в) путем посредственного исполнения (при помощи лица, не являющегося субъектом преступления, или иных живых существ); г) за счет опосредованного исполнения (при помощи осознанного и целенаправленного использования различных процессов и явлений внешнего мира, в том числе психического характера).

Для реализации насильственной цели субъект может использовать возможности своего организма (физические или психические) либо прибегать к содействию других лиц. Разрушительная эффективность насилия повышается за счет применения иных средств и предметов, приводящих к нарушению охраняемых прав, свобод и законных интересов отдельной личности, какой-либо группы или общества в целом. Обязательным элементом насилия остается причинная связь, достаточно подробно разработанная в теории уголовного права.

---

⁷³ Бафия Е. Проблемы криминологии // Диалектика криминогенной ситуации / Под ред. Н. А. Стручкова. М., 1983. С. 22.

⁷⁴ Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. V.

⁷⁵ Там же. С. 9.

Л. Д. Гаухман физическое насилие определяет как внешнее «воздействие на организм человека, совершенное против его воли»⁷⁶, причем воздействие на человека помимо его воли здесь не выделяется⁷⁷, что не позволяет правильно квалифицировать не только действия в отношении человека, находящегося в бессознательном состоянии по различным причинам, но и скрытые формы психического насилия.

Деятельности, ведущей к совершению преступлений, предшествует возникновение мысли о преступном действии. Сама преступная мысль считается ненаказуемой. И только с момента, когда мысль в виде определенного мотива стала проявлять себя в объективной реальности, она может вступить в сферу действия уголовного закона. По материальным проявлениям деяния правоприменитель определяет иные признаки и элементы состава преступления, в частности субъективную сторону, решает вопрос о характере и размере наказания. Без признаков объективной стороны не может возникнуть вопрос о субъективной стороне преступления. По последствиям, отражающим объективную сторону состава преступления, устанавливаются также признаки субъективной стороны деяния: вина, мотивы и цели преступного посягательства.

Может возникнуть сложность при определении момента наступления тех или иных общественно-опасных изменений, вызванных преступным поведением. Данный вопрос, не являясь особо актуальным при рассмотрении физического проявления насилия, непременно возникает при исследовании психического посягательства.

Физическое насилие является действием, признаки которого соответствуют признакам состава преступления, характеризующих одну из основных частей объективной стороны состава преступления. Объективная сторона состава преступления характеризует преступное посягательство с внешней стороны, указывая, какие способы проявления человеческой деятельности в объективной реальности признаются законодателем обладающими признаками преступления и соответственно наказуемыми.

Учитывая единую психофизиологическую структуру человека и первостепенное значение психической стороны, а также принцип субъективного вменения, представляется уместным сделать краткий обзор общепринятых в настоящее время в теории⁷⁸ понятий физического насилия, поскольку в реальности такой самостоятельной и отдельной формы воздействия на человека не может быть, о чем сказано ниже. Кроме того, разделительный подход к единому насилию нередко порождает проблемы при квалификации и постоянные изменения законодательства, в подтверждение чего, собственно, и дается этот обзор.

Физическое насилие можно классифицировать по следующим критериям:

- степени опасности для жизни другого человека;
- степень тяжести причиненных последствий здоровью потерпевшего;
- форма проявления;
- функциональная роль;
- форма вины к действиям и последствиям.

---

⁷⁶ Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. С. 3.

⁷⁷ Имеются в виду случаи нахождения человека в беспомощном состоянии в силу алкогольного, наркотического состояния, применения психотропных или одурманивающих веществ. Если в такое состояние человек был приведен виновным в целях совершения преступления, то совершенные действия также признаются насильственными, поскольку в этом случае воля потерпевшего в силу такого состояния не может проявляться вовне. В зависимости от средств, которые применялись для этого, насилие может быть признано как опасным, так и не опасным для жизни и здоровья. В правоприменительной практике такие действия, если они связаны с хищением чужого имущества, квалифицируются соответственно по ст. 162 или ст. 161 УК РФ.

⁷⁸ Разделение преступного насилия на психическое, физическое и иные виды является условным и нецелесообразным как для теории, так и для практической деятельности. Тем не менее, исходя из устоявшейся на данный период терминологии и взглядов на рассматриваемую сферу, автором настоящей работы в ряде случаев используются применяемые понятия и виды преступного насилия.

Признак опасности физического насилия для жизни определяется в момент совершения насильственных действий и не связывается с наступившими в результате последствиями, что отвечает принципу субъективного вменения. Физическое насилие может быть опасным и неопасным для жизни человека. Опасным для жизни считается такой вред здоровью, который при нормальном течении заканчивается смертью или создает угрозу жизни потерпевшему, хотя в дальнейшем может и не иметь последствий⁷⁹.

Между З., 31 год, и его сожительницей Р. после распития спиртных напитков возникла ссора, в ходе которой З. ударил Р. рукой, а затем схватил лежащий на столе кухонный нож и нанес им один удар в область груди. Потерпевшей были причинены телесные повреждения в виде сотрясения головного мозга, колото-резаной раны грудной клетки с повреждением подмышечной артерии и основной вены, сопровождающейся кровопотерей и геморрагическим шоком III степени. Нанесенные повреждения повлекли тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни в момент нанесения и были квалифицированы по ч. 1 ст. 111 УК РФ⁸⁰.

К опасным для жизни могут быть отнесены как телесные повреждения, так и заболевания, и патологические состояния⁸¹. Совершение насильственных действий, влекущих возникновение таких повреждений или состояний, если нет умысла на убийство, квалифицируются по ст. 111 УК РФ. В судебной практике могут возникать сложности при квалификации таких действий, если опасность для здоровья исчезла, вследствие чего наличие такой опасности оценивается судом в судебном разбирательстве на основании судебно-медицинской экспертизы, показаний свидетелей и иных судебных доказательств.

Работник милиции У., стоя на проходной ВАЗа, увидел гражданина М., который находился в нетрезвом состоянии, не нарушая при этом общественного порядка. У. решил его задержать, но гр. М. не видел для этого оснований и хотел пройти мимо. Милиционеру это не понравилось и он схватил М. за рукав. Последний хотел освободиться, но не смог. У. в это время вызвал по рации других сотрудников. Когда они прибыли, то стали избивать гражданина М. После чего прикрепили наручниками к входной двери проходной, где М. в избитом состоянии простоял до момента приезда милицейской машины.

У потерпевшего М. имели место следующие повреждения: закрытая черепно-мозговая травма от ушиба головного мозга тяжелой степени, посттравматический тромбоз левой внутренней сонной артерии, сенсомоторная афазия, перелом кисти правой руки, порез правой ноги, кровоподтеки лица справа и гематома орбиты. От причиненных повреждений гр. М. утратил трудоспособность на 100 % и был признан инвалидом I группы, что явилось последствием ушиба головного мозга тяжелой степени, повлекшей выраженную моторную афазия, посттравматическую эпилепсию.

Действия сотрудника милиции У. были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 118 и и. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ⁸².

---

⁷⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Под ред. Л. Л. Кругликова и Э. С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 326.

⁸⁰ Архив Промышленного районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-264/1999.

⁸¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий. С. 327.

⁸² Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области. Уголовное дело № 1-446/1999.

К группе опасных для жизни повреждений согласно и. 31 Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений (далее – Правила 1996 г.)⁸³ относились повреждения, вызвавшие развитие угрожающего жизни состояния, возникновение которого не имеет случайного характера, а также заболевания или патологические состояния организма, возникшие в результате воздействия различных внешних факторов, но закономерно осложняющиеся угрожающим жизни состоянием.

В последнем случае важно определить конкретную вину лица, совершающего насильственные действия, и правильно квалифицировать его действия, что вызывается необходимостью разграничения причинной связи между нанесением повреждений здоровью потерпевшего и действиями преступника, с одной стороны, и влиянием различных внешних факторов на возникновение и развитие телесных повреждений.

Неопасный для жизни вред здоровью может иметь различную степень общественной опасности, что зависит от характера причиненных последствий. Он может приравниваться и к опасному для жизни вреду здоровью и является тяжким, если приводит к потере зрения, речи, слуха; потере какого-либо органа либо утрата органом его функций; неизгладимому обезображению лица; утрате общей трудоспособности не менее чем на одну треть или к заведомо для виновного полной утрате профессиональной трудоспособности; влечет за собой прерывание беременности, психическое расстройство⁸⁴.

Если не имелось направленности действий преступника на убийство, насильственные действия квалифицируются по ст. 111 УК РФ. В данном случае объектом преступного посягательства является не жизнь, а здоровье человека (при этом заболевание наркоманией и токсикоманией Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений (далее – Правила 1978 г.)⁸⁵ не считали причинением тяжкого вреда здоровью).

Характер опасности насильственных действий законодатель определяет, опираясь на положения специальной науки – судебной медицины. Это вполне нормальное явление, так как частные науки являются одной из форм знаний объективной реальности. Но данный факт может оказаться и недостатком при правоприменении, ведущим к нарушению принципа законности, поскольку Правила являются подзаконным актом, а установление уголовной ответственности относится исключительно к компетенции федеральных органов.

В частности, в п. 13 Правил 1978 г. говорится, что «предотвращение смертельного исхода в результате оказания медицинской помощи не изменяет оценку вреда здоровью как опасного для жизни». Из буквального толкования данного положения не совсем понятно, можно ли относить к оказанию медицинской помощи действия самого преступника по предотвращению повреждений здоровью и сохранению таким образом жизни потерпевшего. Ведь лицо, применившее физическое насилие, может иметь медицинское образование.

От решения данного вопроса зависит субъективная сторона преступления, наличие деятельного раскаяния, стадия преступной деятельности, вопросы квалификации и, соответственно, решение вопроса об уголовной ответственности.

Недопустимость отсутствия криминообразующих признаков в понятиях уголовного законодательства отчетливо проявилась в ситуации утраты силы ведомственного акта, что создало определенный правовой вакуум, нежелательный для практики. Так, приказом Министерства здравоохранения РФ № 407 от 10.12.1996 г. «О введении в практику правил про-

⁸³ Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью. Утверждены приказом Министерства здравоохранения РФ от 10.12.1996 г. № 407 в ред. приказа Министерства здравоохранения РФ от 5 марта 1997 г. № 61 // УК РФ с постановками материалами / Сост. С. В. Бородин, С. В. Замятина; под ред. В. М. Лебедева. М., 1998. – Утратили силу согласно Приказа Минздрава № 361 от 14.09.2001 г.

⁸⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий. Указ, соч. С. 327.

⁸⁵ Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений от 11.12.1978 г. // Бюллетень Министерства юстиции РСФСР. 1979. № 1–2.

изводства судебно-медицинских экспертиз» в целях унификации научно-методического подхода к практическому производству судебно-медицинских экспертиз и повышению их качества были утверждены Правила 1996 г. Эти правила были приведены в соответствие с уголовным и уголовнопроцессуальным законодательством России, а Правила 1978 г. были признаны не действующими на территории РФ. Правила 1996 г. были опубликованы в УК РФ с постатейными материалами под редакцией В. М. Лебедева⁸⁶. Данное издание было рекомендовано, в частности, работникам правоохранительных органов и исправительных учреждений.

14 сентября 2001 г. Министерство здравоохранения «в целях упорядочения ведомственных нормативных правовых актов Министерства здравоохранения РФ» издает приказ № 361, согласно которого Правила 1996 г. утрачивают силу⁸⁷. Каких-либо разъяснений о «вступлении» в силу Правил 1978 г. не дается. Высшие судебные органы государства никакого официального документа по данному вопросу не приняли и ничего не «упорядочивали». Правоохранительные и судебные органы, экспертные учреждения при квалификации физического насилия вынуждены руководствоваться Правилами 1978 г., несмотря на то, что в них иные определения физического вреда здоровью, т. е. Правила 1978 г. стали применяться по аналогии. Подобная ситуация в очередной раз свидетельствует о необходимости законодательного определения насилия и его признаков.

Соответственно при регистрации в Министерстве юстиции данных подзаконных актов необходимо тщательно проверять их на соблюдение принципа законности и не допускать вторжения министерств и ведомств в компетенцию федеральных органов.

По степени тяжести вреда физическое насилие можно классифицировать на причинение другому человеку: смерти, тяжкого вреда здоровью, средней тяжести вреда здоровью, легкого вреда здоровью и побоев.

Умышленное причинение смерти вменяется в вину в случае, если насилие привело к наступлению указанных последствий.

В. в ходе ссоры, перешедшей в драку, с целью убийства нанес Е. два удара ножом в область груди и живота, причинив последнему телесные повреждения в виде колото-резаного ранения грудной клетки с повреждением сердечной сорочки правого желудочка сердца, ранения хрящевой части пятого ребра, колото-резаной раны на передней поверхности желудка. От причиненных телесных повреждений Е. скончался на месте происшествия⁸⁸.

Преступление считается оконченным при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга. Смерть мозга приравнивается к смерти человека. Решающим для констатации смерти мозга является сочетание факта прекращения функций всего головного мозга с доказательством необратимости этого прекращения⁸⁹. Момент же прекращения функций головного мозга зависит от совокупности внешних и внутренних обстоятельств. К внешним можно отнести форму и степень физического и психического воздействия на потерпевшего. Внутренние обстоятельства характеризуют состояние и жизненные ресурсы человека. Вместе с тем сложно определить, что посягающий осознает в полной мере внутренние резервы потерпевшего. Для этого преступнику необходимо обладание нерациональным знанием, например ясновидением. Но в настоящее время это является трудноуловимым и недо-

⁸⁶ УК РФ с постатейными материалами / Сост. С. В. Бородин, С. В. Замятина / Под ред. В. М. Лебедева. М., 1998.

⁸⁷ Приказ Министерства здравоохранения РФ № 361 от 14.09.2001 г. «Об отмене приказа Министерства здравоохранения РФ от 10.12.96 г. № 407» // Справочная правовая система «Консультант Плюс 1992–2002».

⁸⁸ Архив Промышленного районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-110/1999.

⁸⁹ Инструкция по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга. Утверждена Приказом Министерства здравоохранения РФ № 460 от 20.12.2001 г. Зарегистрирован в Минюсте РФ 17.01.2002 г. Регистрационный номер № 3170.

казуемым при помощи имеющихся в распоряжении работников правоохранительных органов криминалистических средств.

Такое положение может привести к ошибочной квалификации деяния. Особых вопросов не возникает, если смерть не наступила. Покушение на убийство будет правильно отражать вину в попытке причинить смерть лицу. Но когда человек умер, в случае, когда субъект посягательства, сознавая определенную опасность для жизни, рассчитывал на то, что организм потерпевшего сможет перенести и остаться живым, существует опасность объективного вменения. Сложности могут возникнуть при разграничении умысла виновного на причинение вреда здоровью или смерти. Данная проблема должна разрешаться на основании принципов и норм уголовно-процессуального права, в частности принципа субъективного вменения на основе полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела.

В основном не выясняются на практике внутренние причины совершения убийства, как, впрочем, и причинения иных последствий. В материалах фиксируются, как правило, не поясняющие внешнюю агрессию мотивы корысти, мести, неприязненные отношения или хулиганские, ревности и т. д. Кровавая очевидность последствий может делать неуместным вопрос, почему обвиняемым были совершены данные действия. Вместе с тем поведение субъекта может быть объяснено путем функционирования в психике человека идеального образа⁹⁰, который взаимодействует с окружающей средой.

Н. А. Носов разделяет криминогенные состояния в ситуационных убийствах на два типа. В первом случае образ индивида может быть чрезвычайно энергетичным (следствие внушения или самовнушения) и тогда субъект получает возможность актуализироваться в обычной среде. Во втором случае среда создает идеальные условия для актуализации обычного образа личности. Примером может служить состояние опьянения, когда психика индивида становится более восприимчивой к действительности. Но само по себе наличие указанных обстоятельств не приводит к убийству или причинению иных последствий, необязательно физических. «Беда возникает тогда, когда момент актуализации совпадает с ситуацией реального присутствия потенциальной жертвы»⁹¹. Принятое в теории и практике искусственное разделение насилия на физическое и психическое не позволяет раскрыть эту криминологическую ситуацию. Механизм ее возникновения и, соответственно, разрешения выявляется на психологическом уровне и рассматривается в следующих главах.

К тяжким последствиям относятся потеря зрения (утрата глаза или снижение остроты зрения до 0,04 и ниже), речи (утрата голоса или способности выражать свои мысли членораздельными звуками, понятными окружающим) или какого-либо органа (руки, ноги, половых или внутренних органов) либо утрату их функций, а также если насилие привело к значительной стойкой утрате общей трудоспособности не менее чем на одну треть либо к заведомо для виновного полной утрате профессиональной трудоспособности.

Тяжкими последствиями считаются также прерывание беременности в результате примененного насилия и возникновение психического расстройства. Факт беременности должен быть подтвержден на основании медицинских документов, учетных данных женщины и заключения судебно-медицинской экспертизы, что прерывание произошло в результате совершенного насильственного действия, а не явилось следствием индивидуальных особенностей организма женщины. Срок беременности значения для квалификации не имеет.

Оценку тяжести вреда здоровью, повлекшего за собой психическое расстройство, а также заболевания наркоманией или токсикоманией следует производить на основании заключения

⁹⁰ Более подробно это анализируется в следующей главе.

⁹¹ Носов Н. А. Убийство в свете представлений виртуальности // Механизм человеческой агрессии / Под ред. Ю. М. Антонына. М., 2000. С. 57.

комплексной судебно-психиатрической, судебно-наркологической и судебно-токсикологической экспертизы с участием соответствующих специалистов.

Вред здоровью средней тяжести должен исключать признак опасности для жизни и последствия, характерные для тяжких последствий здоровью. Признаками такого вреда является длительное расстройство здоровья (временная утрата трудоспособности свыше 3 недель), а также значительная и стойкая утрата трудоспособности менее чем на одну треть.

В ходе возникшей драки А., 46 лет, запустил в знакомого ему Т., 62 года, табуретку, которой попал по голове. После того как Т. упал на пол, А. стал избивать его ногами по различным частям тела. Согласно заключению эксперта у гражданина Т. имели место телесные повреждения в виде закрытого внутрисуставного перелома мыщелка большеберцовой кости слева, перелома надколенника справа, оскольчатого перелома дифизов 3-5-палцевых костей слева, перелома дистального метафиза 2-палцевой кости слева, ушибленной раны головы, кровоподтеков в области головы, груди, верхних и нижней конечностей, которые повлекли вред здоровью средней тяжести по признаку длительного расстройства здоровья свыше 3 недель⁹².

Признаками легкого вреда здоровью является кратковременное расстройство здоровья (временная утрата трудоспособности от 1 до 3 недель) и незначительная и утрата общей трудоспособности до 10 %⁹³.

Т. в процессе ссоры на почве личных неприязненных отношений нанес Ж. несколько ударов кулаком в лицо и один удар ногой по телу, а затем вытолкнул его из квартиры и продолжал избивать около дома, нанося удары кулаками в лицо и ногой по различным частям тела. В результате Ж. были причинены телесные повреждения в виде сотрясения головного мозга, открытого перелома костей носа без смещения, ушибов, кровоподтеков лица и нижних конечностей, ссадин левой половины грудной клетки, повлекшие легкий вред здоровью⁹⁴.

До внесения в УК РФ изменений и дополнений ФЗ № 162 от 8 декабря 2003 г. уголовная ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью было незначительным и не превышало, в частности, одного года исправительных работ либо от двух до четырех месяцев ареста⁹⁵. Внесенная в ст. 115 УК РФ ч. 2 повысила санкцию за причинение легкого вреда здоровью до двух лет лишения свободы, если деяние было совершено из хулиганских побуждений⁹⁶.

Побои не составляют особого вида повреждений. Побоями называется неоднократное нанесение ударов потерпевшему. В результате такого насилия объективных признаков их воздействия может не быть вообще либо они могут возникнуть, но не должны содержать признаков причинения легкого вреда здоровью. То есть при нанесении побоев кратковременное расстройство здоровья может быть до 7 дней, но уже без незначительной стойкой утраты общей трудоспособности до 5 %, что позволяли сделать Правила 1996 года. На практике такие условия могут вызвать определенные сложности при квалификации побоев.

Г., 20 лет, желая разобраться со знакомой Б., потребовал нажать на кнопку «Стоп» и остановить лифт. Но Б. воспрепятствовала этому. Тогда Г. ударил потерпевшую ногой в область живота, а когда Б. от удара согнулась и присела, Г. нанес ей 810 ударов ногой в область грудной клетки и

---

⁹² Архив Промышленного районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-211/1999.

⁹³ УК РФ с постатейными материалами / Сост. С. В. Бородин, С. В. Замятина. С. 333.

⁹⁴ Архив Промышленного районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-267/1999.

⁹⁵ В настоящее время данное наказание не применяется ввиду отсутствия арестных домов.

⁹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2004. С. 44.

живота, причинив телесные повреждения в виде ушиба мягких тканей правого лучезапястного сустава, кровоподтека нижней конечности, левого предплечья, не причинившие какого-либо вреда здоровью. Когда двери лифта открылись на 7 этаже, Г. рукой вытолкнул Б. из него, отчего последняя, потеряв равновесие, упала и ударилась головой о стену. Действия Г. были квалифицированы по ст. 116 УК РФ⁹⁷.

По формам проявления насилие можно дополнительно классифицировать на истязание и жестокое обращение.

Истязания признаются самостоятельным составом преступления, предусмотренным ст. 117 УК РФ. Истязание – причинение физических и психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иных насильственных действий. Определяющим признаком истязания являются не столько причиненные последствия, сколько длительность и неоднократность побоев либо иных насильственных действий.

Если в процессе истязания причиняются последствия, указанные в ст. 111 и 112 УК РФ, то они, согласно диспозиции ст. 117 УК РФ, подлежат самостоятельной квалификации.

Сложности в правоприменительной практике могут возникать при определении степени страданий потерпевшего. Как правило, доказательством признаются медицинские документы, свидетельствующие о фактах обращения последнего к врачам и наличия у него соответствующих повреждений здоровья или его нарушения. В подтверждение физических страданий достаточно легко указать объективные признаки насилия. Но психические страдания не всегда возможно зафиксировать либо провести разделительную границу между следствием от насильственных действий или в связи с индивидуальными особенностями организма потерпевшего. Одной из мер по предупреждению злоупотреблений в данной сфере может быть тщательное и комплексное изучение истории болезни потерпевшего.

Жестокое обращение как одна из форм насилия не является самостоятельным составом преступления. В некоторых составах, например доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), жестокое обращение признается способом совершения преступлений. В других составах, в частности, при убийстве (п. «д» ч. 2 ст. 5 УК РФ), умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ), умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ) говорится о совершении преступления с особой жестокостью. Законодатель содержанием жестокого обращения или особой жестокости не раскрывается. Вместе с тем трудно выявить, чем, например, жестокое обращение отличается от истязания. Раскрытие содержания истязания дается в научной литературе и судебными органами.

Так, в ст. 156 УК РФ уголовную ответственность влечет неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Вполне очевидно, что под жестоким обращением в данной статье подразумеваются причинение и физических, и психических страданий ребенку. В целях совершенствования уголовного законодательства необходимо либо привести оба понятия к единому, либо дать определение жестокого обращения и истязания, на основании которых возможно будет различать их между собой. Тогда под жестоким обращением может пониматься систематическое причинение только физических страданий различными насильственными действиями. Хотя, учитывая целостность психофизиологии человека, это является трудноразрешимой, если вообще не невыполнимой задачей.

По функциональной роли причиняемое насилие можно классифицировать по объекту преступного посягательства или по цели совершенного деяния, так как цель виновного

---

⁹⁷ Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области. Уголовное дело № 1-470/1999.

как раз и определяет объект преступления: например, причинение смерти из хулиганских побуждений, с целью скрыть иное преступление, в целях использования органов или тканей потерпевшего. Неустановление или неточное установление цели поведения или мотивов может привести к незаконной и необоснованной квалификации, в частности совершение действий, связанных со служебным или общественным долгом, в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и т. д.

Нанесение вреда здоровью может служить достижению корыстных мотивов, удовлетворению половой или иной *потребности*, желанию самоутверждения и самореализации своих возможностей или достижение определенных интересов. Указанные мотивы и цели могут приводить к посягательству на совершенно различные объекты охраны уголовного права, что зависит от конкретных жизненных обстоятельств, в которых находится виновное лицо и к чему оно стремится. Направленность же поведения определяется его мировоззрением и сложившейся системой ценностей. Физическое насилие является лишь способом достижения поставленных целей и само по себе не может полностью характеризовать субъекта.

Б. хотел, чтобы Ш., сожительствующий с его сестрой, не продавал однокомнатную квартиру, полученную им по наследству после смерти матери Ш., а оставил ее своей 5-летней дочери. При этом Б. предупреждал Ш., что если тот продаст квартиру, то он его убьет. Ш. квартиру продал. Узнав об этом, Б. решил расправиться с Ш. и для этого пригласил его за город отдохнуть. Там он стал расспрашивать Ш. о причинах продажи квартиры. Когда последний стал оправдывать свои действия, Б. стал наносить удары ножом в разные части туловища. Когда Ш. захрипел, Б. перерезал ему горло⁹⁸.

По форме вины к совершенному насильственному действию и при наличии признака вменяемости можно говорить лишь об умышленной форме вины, так как физическое насилие представляет собой сложное действие, руководимое и направляемое сознанием выполняющего его человека в определенных целях и с различными мотивами. А отношение к последствиям насилия, исходя из классической трактовки форм вины, может быть как умышленным, так и неосторожным. Также разделением насилия на физическое и психическое объясняется тот факт, что по результатам социологических опросов, большинство респондентов, в том числе судьи (50 и 30 %), работники правоохранительных органов (57 и 43 %), персонал исправительных учреждений (71 и 84 %), правозащитники (90 и 67 %) считают, что виновность и мотивы не всегда устанавливаются соответственно как работниками правоохранительных органов, так и судьями.

В научной литературе справедливо отмечается, что «понятие “физическое” в юриспруденции, в том числе и в уголовном праве, не совсем соответствует аналогичному понятию в естественных науках. Фактически оно охватывает еще и химическое, и биологическое, и ядерное и иное воздействие на организм человека. Например, отравление потерпевшего каким-либо отравляющим газом или введение в его организм ядовитых химикатов есть воздействие химическими средствами. В уголовно-правовом же смысле это – разновидность физического воздействия. Таким образом, “физическое” здесь понимается как любое воздействие извне непосредственно на организм человека»⁹⁹, т. е. имеющее различный материальный характер.

Отсутствие системного подхода к явлению насилия вызывает определенные сложности в теории и на практике. Так, Р. Д. Шарапов отмечает, что «в теории уголовного права нет однозначного решения по вопросу о возможности признания физическим насилием случаев причинения физического вреда тайно, с помощью обмана или психического воздействия»¹⁰⁰.

⁹⁸ Архив Промышленного районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-243/1999.

⁹⁹ Насильственная преступность. С. 50.

¹⁰⁰ Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 39.

Если признать существующую неразрывность этих двух понятий, ответ представляется однозначным. Любое изменение взаимосвязанной части влияет в определенной степени на другую. Ранее уже отмечалось, что психические явления и процессы имеют преобладающее значение в жизнедеятельности человека по сравнению с физическими, телесными.

Физические насильственные действия влекут за собой определенные материальные последствия. Если понимать их применение только к другому человеку, то речь идет о нанесении физического вреда. Но данным вредом насильственные действия не ограничиваются. В силу существования в окружающем мире психических явлений нанесением физического вреда человеку может быть причинен психический вред не только непосредственно потерпевшему, но и близким для него лицам. Так, к причинению тяжкого вреда здоровью относится физическое насилие, выразившееся в неизгладимом обезображении лица.

Такой вред считается неопасным для жизни, но является тяжким по своим последствиям¹⁰¹. Его тяжесть заключается в причинении потерпевшему психических страданий не только в связи со своей физической ущербностью. Вследствие того, что нанесенные повреждения постоянно напоминают потерпевшему пережитую неблагоприятную ситуацию, они влияют на его психическое состояние и характер поведения.

Психические страдания потерпевшего могут передаваться лицам, тесно связанным с последним и сопереживающих ему, что, в свою очередь, увеличивает психический вред личности. Нельзя исключить, что физическое насилие может причинить психический вред и окружающим, очевидцам преступления. В этом случае степень психического вреда будет зависеть от отношения к событиям и чувствительности индивида.

Именно в деянии происходит проявление и материализация идей, мотивов и целей человека, включая преступника. Таким образом совершению физического насилия предшествует установка индивида на допустимость такого поведения, т. е. психическая причина¹⁰². Любое деяние человека так или иначе вносит определенные изменения в существующие в мире отношения и взаимосвязи. Деятельность преступника вносит нежелательные, по мнению законодателя, изменения в окружающую действительность, затрагивая охраняемые законом права, свободы и интересы физических или юридических лиц, общества или государства.

Сказанное означает, что между наступившими последствиями и осознанными действиями человека необходимо установление реальной причинной связи, которую последний также должен осознавать. В целях защиты установленных в обществе отношений и упорядочения их в определенном направлении устанавливается уголовная ответственность за их нарушение.

В так называемых формальных составах: разбой (ст. 162 УК РФ), терроризм (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ) и т. д. для квалификации не обязательно наступление определенных материальных последствий. Однако это не означает, что общественно опасных последствий от указанных действий не наступает. Иначе бы отсутствовал один из признаков преступления – общественная опасность. Совершением таких действий человеку, обществу причиняется вред психического характера в различных формах: организационный, идеологический, политический либо иной неимущественный вред.

Отдельной разновидностью насильственных посягательств на охраняемые уголовным правом объекты является сексуальное насилие. Данное противоправное деяние является характерным примером психофизического насилия¹⁰³. В ходе сексуального посягательства возможны как угрозы причинением физического вреда, так и нанесение различных телесных повреждений от побоев до умышленного убийства с отягчающими обстоятельствами.

¹⁰¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий. С. 327.

¹⁰² О механизме возникновения насильственного поведения говорится в гл. 2 «Механизм реализации преступного насилия».

¹⁰³ Рассматривать психофизическое насилие как самостоятельный вид преступного посягательства в настоящей работе не представляется целесообразным.

Ф. был привлечен к уголовной ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ при следующих обстоятельствах. Проезжая по городу в автомобиле со своими знакомыми, Ф. увидел одиноко стоящую девушку на автобусной остановке. Л., 23 года, направлялась на работу и ожидала дежурный автомобиль, который немного опаздывал. Время было 04 ч 05 мин. Ф. предложил ей проехать с ними, но последняя отказалась. Тогда Ф. и два его знакомых схватили Л. за руки, затащили в автомобиль и отвезли на квартиру. По прибытии на место Ф. и четверо его знакомых под угрозой насилия заставили Л. раздеться, после чего поочередно вводили члены в рот, влагалище и заднепроходное отверстие. Преступные действия совершались в течение трех часов. По заключению эксперта, у потерпевшей Л. были обнаружены кровоподтеки, разрыв слизистой оболочки прямой кишки¹⁰⁴.

Поскольку причины и мотивы сексуальных посягательств обладают сложной социально-психологической природой, представляется целесообразным вернуться к данному вопросу при рассмотрении причин возникновения и механизма действия психического насилия.

Существуют проблемы и законодательной техники. Так, однократное нанесение удара может квалифицироваться по ст. 116 УК РФ, что противоречит ее грамматическому толкованию. Предполагается разумным однократное нанесение удара не рассматривать как преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ в силу причинения незначительного вреда, а расценивать его как оскорбление действием, т. е. квалифицировать по ст. 130 УК РФ. Возможен другой вариант разрешения ситуации: изменение редакции ст. 116 УК РФ, позволяющей к побоям относить и однократное нанесение удара или иного насильственного действия.

Отдельные авторы, в частности В. И. Симонов, к физическому насилию относят результат совокупного действия людей и сил природы, поведения других людей, животных и т. д., если такие действия совершались сознательно, а силы и закономерности управлялись людьми¹⁰⁵. При названных условиях наступившие по вине субъекта последствия действительно должны характеризовать преступный вред.

Следует обратить внимание на способность насилия воздействовать на все, что имеет пространственную и временную структуру в окружающем нас мире и отражается на человеке через его органы зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Поэтому последствия насилия не всегда выражаются в прямом физическом проявлении результатов преступного деяния. Так, например, при угрозах убийства, клевете или оскорблении сущность насилия проявляется в словах, жестах, иным способом¹⁰⁶ или формой¹⁰⁷ информационного воздействия на потерпевшего. Материализация результата преступного посягательства в этом случае имеет сложный и опосредованный психикой индивида характер.

Реальность угрозы для потерпевшего должна иметь как субъективный, так и объективный характер. Иначе в случае чрезвычайно мнительной психики потерпевшего возможно объективное вменение уголовной ответственности субъекту действий либо последствий, не являющихся общественно-опасными. Одновременно будут выявляться обстоятельства, способствующие совершению насильственных преступлений.

Как подтверждают результаты проведенных исследований, отсутствие понятия насилия приводит к различному смысловому полю в сфере указанных отношений. Из различных кате-

¹⁰⁴ Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области. Уголовное дело № 1-515/2000.

¹⁰⁵ Симонов В. И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия. С. 98.

¹⁰⁶ Костров Г. К. Уголовно-правовое значение угроз: Дис... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 92.

¹⁰⁷ Чернявский А. Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Дис... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 27.

горий опрошенных большинство относит к психическому насилию любую угрозу. Так считают 43 % опрошенных мужчин, а из женщин такого мнения придерживаются лишь 15 % респондентов. Наибольшие показатели дал опрос студентов 5-го курса юридического факультета (80 %) и 84 % осужденных за тяжкие преступления. У части опрошенных наблюдается разброс мнений от угрозы причинением материального вреда до причинения морального вреда или угрозы насилием. Меньше всех признают любую угрозу психическим насилием сотрудники РОВД, т. е. непосредственно те, кто осуществляет правоприменение.

Как отмечалось, в теории уголовного права различают два пути воздействия на психику человека: информационный и внеинформационный. Последний способ означает воздействие на психику при помощи наркотических средств, психотропных веществ и сильнодействующих лекарств либо электронной стимуляции мозга человека. Сомнительно данный способ относить к психическому насилию, так как здесь опосредствующим элементом являются различные предметы материального мира или физический контакт с определенными участками мозга.

Вместе с тем в соответствии с Уголовным кодексом Франции 1992 г. торговля наркотическими средствами является объектом посягательства на физическую и психическую неприкосновенность¹⁰⁸, поскольку в результате потребления наркотических средств разрушается физическое и психическое здоровье. По этим основаниям ст. 222-15 Уголовного кодекса Франции 1992 г. предусматривает строгую уголовную ответственность за назначение в виде лекарств вредных веществ, которое привело к посягательству как на физическую, так и психическую неприкосновенность¹⁰⁹.

Поскольку информация имеет объектом своего основного воздействия психику человека, нельзя не затронуть вопросы психологии поведения человека. В. И. Даль охарактеризовал человека как «высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью»¹¹⁰. В последнее время ученые находят все больше доказательств сложности человеческого организма. Актуальность данного вопроса в теории уголовного права также не отрицается¹¹¹.

Длительное время считалось, что основные вопросы психологии можно научно объяснить с точки зрения диалектического и исторического материализма. Как отмечает П. Я. Гальперин, увлеченные перспективой объективного изучения предметной деятельности субъекта, мы не учли, что «проблема деятельности» внутренне связана с роковым вопросом о предмете психологии и довольствовались его интуитивным пониманием. Отсутствие теоретического преодоления его традиционного понимания исподволь, но «наглухо» закрывало путь к пониманию деятельности человека и его проблем¹¹².

В психологии имеет значение не содержание предметного действия само по себе, а то, как это содержание понимается субъектом и служит ему основанием для исполнения этих действий¹¹³. Абстрагироваться от этого и принимать данный процесс лишь за факт как таковой приведет нас к неправильному выводу, что недопустимо в психологии и тем более, в уголовном праве. Еще в 1982 г. А. Р. Ратинов обратил внимание на то, что наиболее актуальным является развитие научных исследований, в частности юридической психологии, не вширь, а именно вглубь¹¹⁴. Но этому мешает догматизм нашего мышления, который приводит к тому, что, по словам И. И. Карпец, происходит не углубленное изучение проблемы, а топтание на месте¹¹⁵.

¹⁰⁸ Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 74.

¹⁰⁹ Там же. С. 70.

¹¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 4. С. 658.

¹¹¹ Красилов А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 9.

¹¹² Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. Избр. психологические труды / Под ред. А. И. Подольского. М.; Воронеж, 1988. С. 260.

¹¹³ Там же. С. 266.

¹¹⁴ Ратинов А. Р. Юридическая психология и проблемы борьбы с преступностью // Вопросы борьбы с преступностью. М.,

Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов консервативность уголовного законодательства справедливо связывают с тем, что его нормы затрагивают основные права и свободы личности¹¹⁶, но именно по этой причине консервативность не должна превращаться в застой и препятствие к изменению законодательства. Другое дело, что должен быть взвешенный, последовательный и научный подход к разрешению ситуации.

По мнению С. П. Никанорова, целенаправленные исследования в конечном счете обеспечивают открытие требуемых эффектов. Если же они отсутствуют, то тем самым возникает основание для пересмотра сделанных предложений¹¹⁷. И если стремление к абсолютно полному и достоверному знанию, полагает В. М. Богуславский, неосуществимо¹¹⁸, добавим в силу ограниченности человеческого разума материальным миром, то это не должно приводить ни к отказу от глубоких научных исследований ни, тем более, к препятствиям, в том числе в сфере нормотворчества¹¹⁹.

Психические состояния не есть чисто духовные явления, обособленные от телесных процессов. Последние посредством высшей нервной системы через эмоции и чувства переводят окружающую реальность в психическое отражение мозгом данного человека. Воздействие на один элемент неизбежно приводит к изменению другого и наоборот.

Психическим состоянием называется «устойчивость проявлений психики индивида, их закреплённость и повторяемость в структуре его личности... К психическому состоянию относятся проявления чувств (настроения, аффекты, эйфория, тревога, фрустрация и др.), внимания (сосредоточенность, рассеянность), воли (решительность, растерянность, собранность), мышления (сомнения), воображения (грезы) и т. д.»¹²⁰.

Психическим процессом называют «непрерывный, никогда изначально полностью не заданный, а потому формирующийся и развивающийся, порождающий те или иные продукты или результаты (психические состояния и образы, понятия, чувства, решение или нерешение задачи и т. д.)»¹²¹. Психические процессы не представляют собой определенную последовательность тех или иных стадий во времени. Это более сложное интегративное явление, формирующееся в ходе непрерывно изменяющегося взаимодействия индивида и внешнего мира и также непрерывно развивающегося, «все более полно отражая эту динамичность окружающей действительности, участвуя в регуляции всех действий, поступков и т. д.»¹²².

Психические процессы неразрывно связаны с деятельностью индивида, его мотивацией, способностями и актуальными для него потребностями. На каждом этапе своего развития человек исходит из сложившихся на настоящий момент целей, мотивов и потребностей, поэтому он является не только биологическим существом, на поведение которого действуют инстинкты самосохранения и выживания, но и социальным, т. е. продуктом развития своего общества. В ходе дальнейшей деятельности происходит постоянное преобразование указанных аспектов психических процессов. Сложность анализа заключается в том, что на психические акты оказывается воздействие не только осознанного, но и неосознанного, обеспечивая

1983. Вып. 38. С. 48.

¹¹⁵ Карпец И. И. Развитие наук криминального цикла в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1987. Вып. 45. С. 3.

¹¹⁶ Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовно-правовая охрана финансовой сферы: новые виды преступлений и их квалификация. Науч. – практич. пособие. М., 1995. С. 3.

¹¹⁷ Никаноров С. П. Социальные формы постижения бытия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 66.

¹¹⁸ Богуславский В. М. Паскаль о достоверности наших знаний // Там же. 1994. № 6. С. 113.

¹¹⁹ Никаноров С. П. Социальные формы постижения бытия. С. 68.

¹²⁰ Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 267.

¹²¹ Там же. С. 266.

¹²² Там же.

непрерывность психического процесса и проявляя его «в тесной взаимосвязи познавательного и аффективного компонентов любого психического акта»¹²³.

Психика возникает на определенном этапе биологической эволюции живого существа, выступая в «качестве одного из ее факторов, обеспечивая возрастающую по сложности приспособляемость организма к условиям существования»¹²⁴. Но только психика человека формирует особое ее свойство – сознание как высший регулятор деятельности индивида и его личность, которое в своей основе опирается на память с ее свойствами распознавания прошлого или будущего в настоящем и врожденные инстинкты или приобретенные навыки научения.

Если физическому проявлению насилия свойствен открытый противозаконный способ, то для различных форм психического воздействия, практически не учитываемых в настоящее время уголовным законодательством, характерен скрытый способ. В. П. Шейнов под скрытым управлением человека понимал воздействие на него со стороны инициатора, при котором истинная цель скрывается от адресата а на первый план выдвигается иная, привлекательная для потерпевшего цель¹²⁵. Иными словами, в основе скрытого управления индивида всегда имеется определенный обман, введение его в заблуждение. Происходит это, как правило, путем внушения или убеждения. Воздействие будет успешным в тех случаях, когда у человека, как сказал В. М. Бехтерев, не будет оснований для критики и суждения¹²⁶.

Способность психического воздействия приводить к масштабным последствиям нельзя назвать новым явлением. В истории и ранее имели место процессы, в том числе массового характера, в основе которых находилось психическое воздействие. Это естественно, поскольку, как отмечает В. С. Сокольский, человек связан с окружающей средой многочисленными информационными связями, которая осуществляется через подсознание индивида¹²⁷. Именно с этой точки зрения можно найти объяснения примерам, которые приводит В. М. Бехтерев, описывая различные психопатические эпидемии в истории, в частности бессодержимости, имевшие место в Средние века. В основе данных явлений исследователь видел внушение, взаимовнушение и самовнушение, основанные на преобладающих воззрениях народных масс данной эпохи, общества или местности¹²⁸.

Все указанные элементы психического воздействия возникают, развиваются либо исчезают только при помощи информации. Но если раньше сфера такого насилия была уделом господствующих классов, то в век информационных технологий безграничное воздействие становится доступным любому, у кого есть соответствующие материальные средства. Возможные последствия опасны своей непредсказуемостью и непродуманностью. Роль и значение преступного психического посягательства выходит за рамки уголовного законодательства.

Основным элементом психического насилия является информация. А в современном информационном обществе, отмечает Л. А. Морозова, информация является уже производительной силой и «рождает власть «высшего уровня»»¹²⁹. В условиях научно-технического прогресса и качественного увеличения информационного потока, указывает Б. С. Волков, особенно актуальным становится научная разработка теоретических проблем и их всесторонний анализ¹³⁰. Тем более, что проблема не только в объеме информации, но и в ее качестве и истинности. Это позволяет А. А. Матвеевой выделять среди глобальных проблем современно-

¹²³ Там же. С. 267.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Шейнов В. П. Психология обмана и мошенничества. М.; Минск, 2001. С. 5.

¹²⁶ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001. С. 24.

¹²⁷ Сокольский В. С. Информатика медицины. М., 2001. С. 132–133.

¹²⁸ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 56.

¹²⁹ Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности: Учеб. пособие. С. 12.

¹³⁰ Волков Б. С. Научно-технический прогресс и проблемы науки уголовного права // Материалы Междунар. науч. конф. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. «Уголовное право в XXI веке». М., 2002. С. 93.

сти, имеющих мировой уровень, проблему информационной безопасности¹³¹, что имеет прямое отношение к психическому насилию. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации констатировалось, что от обеспечения информационной безопасности зависит национальная безопасность Российской Федерации, и эта зависимость в ходе технического прогресса будет возрастать¹³².

Тем не менее в правоприменительной практике складывается парадоксальная ситуация: психика индивида является наиболее уязвимым его местом, а значение психического насилия в правоприменительной деятельности недооценивается. Формы психического насилия зависят от навыков и жизненных установок личности, причем степень его воздействия зависит в большей степени от воспринимающего. Одна и та же угроза может одного человека парализовать, а другого – привести к оборонительным действиям, порой даже чрезмерно активным и переходящим в наступательные. Без психологии и изучения предшествующей жизни субъектов дать правильную квалификацию затруднительно.

Разнообразие форм психического насилия либо его воздействие возможно понять, учитывая роль и значение насилия, а также мотивацию его применения в поведении сторон. Насильственным действиям предшествует определенное взаимодействие условленных единиц: преступника и жертвы. Вычленение при анализе насилия поведения потерпевшего в различных формах также вряд ли будет способствовать установлению истины и правильной оценки деяния. В настоящее время данные аспекты насилия до конца не исследованы и нередко наблюдается упрощенный подход к ним в теории уголовного права и криминологии, не говоря уж о правоприменительной практике. Исследователи раскрывают различные стороны и формы насилия, но его суть и генезис остаются в стороне.

Характерный для психического насилия информационный способ, или нематериальное воздействие, заключается в передаче сигнальной и значимой для адресатов информации, способной повлиять на его психическое состояние или психические процессы. Данная информация может передаваться словами, жестами, определенными телодвижениями, содержащими явную или скрытую угрозу в целях изменения поведения потерпевшего либо иными действиями, оказывающими влияние на последнего через подсознательное в его психике. В частности, воздействие происходит путем изменения частоты колебаний мозга потерпевшего за счет внешних источников генерации, способные привести к различным аффектированным состояниям и последствиям, вплоть до самоубийства.

На практике информационный способ воздействия на человека сводится в основном к исследованию вербальных средств воздействия, т. е. учитываются слова, сказанные субъектом насилия потерпевшему. Ориентир на вербальное проявление как критерий наличия или отсутствия опасности поведения человека является примитивным, ненадежным доказательством соответствия формы и содержания деятельности человека. По свидетельству Г. Бейтсона, при помощи слов в процессе общения людей передается лишь 8 % информации, остальная сообщается невербально¹³³.

К тому же слова могут определяться сознанием правоприменителя в буквальном смысле и (или) в соответствии со своим личностным смыслом, а потому может быть скрыт истинный смысл и цели правонарушителя, ориентированные на конкретную личность. Особенно характерно это проявляется во время уголовного судопроизводства. Г. С. Абрамова указывала на существование неосознанных аспектов восприятия реальности органами чувств¹³⁴.

¹³¹ Матвеева А. А. Информационная безопасность и проблемы совершенствования уголовного законодательства // Там же. С. 182.

¹³² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сент.

¹³³ Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб., 2000. С. 195.

¹³⁴ Абрамова Г. С. Возрастная психология: Учеб. пособие для студентов вузов. М.; Екатеринбург, 2000. С. 67.

Субъективность психических явлений, оценок степени их общественной опасности, а также механизм психического воздействия можно объяснить тем, что человек живет, как отмечает С. Г. Кара-Мурза, в двух мирах – в мире природы и мире культуры, а по-другому – в мире вещей и мире знаков¹³⁵. Любое насилие применяется в целях управления человеком, когда последнее удовлетворяет какие-либо внутренние или внешние потребности субъекта преступления. Если физическое насилие является грубым и открытым вариантом воздействия, то психическое – изощренным и скрытым. В мире вещей – материальных, осязаемых, наглядных и очевидных – управлять человеком возможно только при помощи физического насилия. Область психического насилия безгранична лишь в мире знаков, в мире психических образов.

Из древнегреческой философии пришел термин «логос», одновременно означающий «слово» (а также предложение, высказывание, речь) и «смысл» (понятие, суждение или основание). На заре человечества, развитие которого в некотором роде (этапы познания окружающего мира) повторяет каждый человек в процессе своего развития до момента сознательной жизни, каждое слово наделялось определенным смыслом и в неразрывном единстве проникало в подсознание индивида.

Таким образом, бытие человека происходит в особой, созданной им при помощи слова части искусственного мира культуры, которая называется логосферой. Изначально в этой структуре слово наделялось определенным смыслом. Как отмечает С. Г. Кара-Мурза, логосфера включает в себя язык как средство общения и все формы вербального мышления, т. е. словесного выражения мыслей¹³⁶.

Получив психическую интерпретацию объективной действительности, человек руководствуется ею в своем дальнейшем сознательном поведении. Т. Н. Березина внутренний мир личности в широком смысле слова считает формой психического существования вообще, а в более узком смысле – формой существования внутренних образов¹³⁷. Психические процессы, являясь обратной связью индивида с окружающей средой, превращают его в саморегулирующуюся и самонастраивающуюся систему. Слово вызывает у человека определенный внутренний, психический образ, который для конкретного индивида является реальным и имеет криминологическое и уголовно-правовое значение.

В процессе развития человечества указанные закономерности были обнаружены и стали использоваться в качестве средств преступного воздействия на людей в целях управления их поведением в своих интересах. Для этого оказалось достаточно отделить слово от заключенного в нем смысла, мира вещей. С этого момента, как замечает С. Г. Кара-Мурза, слово перестало «выражать заключенную в вещи первопричину»¹³⁸, упорядоченное бытие начало разрушаться, а человек стал жить в разделенном мире¹³⁹. Знаковые звуки-символы превратились в искусственный, специально созданный и приспособленный язык, имеющий власть над подсознанием человека. Устранение из слова истинности, самоценности, первоначального смысла превратило слово в средство преступного посягательства на психику человека. Такие же цели преследует и внедрение в сознание нового языка или неоправданное заимствование иностранных слов. В результате смысл явления искажается до обратного. К примеру, вряд ли кто заявит, что он хочет стать «убийцей», а сказать, что он «киллер» вполне реально и для кого-то привлекательно. С. Г. Кара-Мурза отмечает такие явления, как «семантический» и «фонетический» террор¹⁴⁰.

¹³⁵ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2001. С. 83.

¹³⁶ Там же. С. 84.

¹³⁷ Березина Т. Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. М., 2001. С. 15.

¹³⁸ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. С. 87.

¹³⁹ Там же. С. 90.

¹⁴⁰ Там же. С. 107.

Помимо слова на человека по той же схеме оказывают влияние зрительные образы. Последние возникают в результате восприятия информации при помощи зрения. Источниками информации являются различные формы культуры, в частности театр, кино, телевидение, живопись и иные наглядные изображения, включая внешнее поведение человека с его жестами, мимикой, положением частей тела и т. д. Тексты, как содержащие слова, имеющие смысл, также относятся к средству управления. По этой причине, например, в Уголовном кодексе Франции 1992 г. разделяются угрозы различного насилия, материализованные в письменном виде¹⁴¹. С. Г. Кара-Мурза указывает на иные знаковые системы, нередко имеющие влияние на индивида вопреки его правам, свободам и законным интересам: язык чисел; акусфера, т. е. мир звуковых форм культуры; сигналы запахов¹⁴².

Влияние языка чисел можно оценивать по различным отчетам, докладам, программам и т. и., в результате которых обилие цифр и их смысловое значение может создать у человека нужное субъекту информации мнение. Под воздействием последнего лицо может сделать определенные действия, которые причиняют различный вред его охраняемым интересам. Например, в результате вызванного у человека тревожного состояния от нестабильности общества и нагнетания мысли о худшем он может вложить все свои сбереженные деньги в какую-либо финансовую пирамиду типа «АО «МММ»», для почитателей Востока и его целостной мудрости предложат «АО «Тибет»» и т. д. В основе деятельности подобных учреждений лежит скрытый обман и заблуждение, т. е. психическое воздействие на поведение человека. В недалеком прошлом подобными аферами многим был причинен немалый материальный и психический вред, а виновные в этом не понесли заслуженной ответственности.

Особенность влияния звуковых форм культуры, отмечает С. Г. Кара-Мурза, заключается в том, что они воздействуют на чувства, минуя разум¹⁴³, т. е. затрагивают более глубокие слои психики личности и потому также должны относиться к преступному насилию. Звук представляет собой определенные колебания по амплитуде и частоте. На подсознание может влиять каждый элемент и их совокупность в бесчисленной вариации, что проявляется индивидуально. В реальности это выражается в громкости, темпе речи, интонации, тембре и т. д. Старшим поколения нашего общества хорошо известно влияние на сознание сообщений сводок Советского информбюро, которые произносил Левитан.

Особенность звукового воздействия на людей использовали и могут использовать для дезинформации и скрытого управления индивида, группы лиц или общества. В этих же целях может использоваться, указывал Хайдеггер, также отсутствие звука, тишина, техника молчания как подсознательная коммуникация людей¹⁴⁴. Так, Уголовный кодекс Франции 1992 г. относит к посягательствам на психическую неприкосновенность, звуковые агрессии в виде недоброжелательных телефонных звонков¹⁴⁵, а также злостное нарушение тишины, неоднократно совершаемое с целью нарушить покой другого лица. Подобные действия согласно ст. 222-16 Уголовного кодекса Франции 1992 г. наказываются одним годом тюремного заключения и штрафом 100 тыс. франков¹⁴⁶.

Что касается сигналов запахов, то каждому известно их мощное, к тому же нередко скрытое воздействие. Недооценку данного факта С. Г. Кара-Мурза считает странным¹⁴⁷. Современное развитие химической промышленности позволяет создавать всевозможные аналоги естественных запахов продуктов растительного, животного мира. Принося громадную прибыль

¹⁴¹ Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 88.

¹⁴² Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. С. 105.

¹⁴³ Там же. С. 107.

¹⁴⁴ См.: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. С. 108.

¹⁴⁵ Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. С. 88.

¹⁴⁶ Новый Уголовный кодекс Франции. С. 70.

¹⁴⁷ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. С. 109.

производителям ввиду их дешевизны, они тем не менее способны причинить вред здоровью или жизни потребителя. Преступное психическое воздействие при помощи таких средств, как сигналы запахов, определяется в совокупности с возникающими подсознательными образами конкретного человека, связанными с данным запахом. Окружающая реальность искажается, и человек ведет себя по-иному, т. е. не так, как бы он поступил при отсутствии применяемого виновным раздражителя. Если в результате этого причиняется какой-либо вред правам, свободам или законным интересам личности, такое воздействие следует относить к преступному насилию.

Человек в целом представляет собой неразрывную психофизиологическую субстанцию, в которой физическое насилие обусловлено психикой личности, а психическое состояние индивида вызывает и формирует соответствующие физические формы его проявления в объективной реальности. Поскольку психика человека отражает окружающую действительность, выполняя роль сигнальной и управляющей системы в его выживании и приспособлении к изменяющимся условиям, то и психическим насилием следует признавать любое воздействие на психические процессы индивида, нарушающее его нормальную деятельность.

Психическому насилию подвергаются также и судьи, и потерпевшие, и свидетели по уголовным делам¹⁴⁸, что приводит к высокой латентности опасных преступлений и крайне отрицательно сказывается на динамике и структуре преступности.

Для оценки опасности психологического воздействия на личность, а также для выяснения истины в последующем необходимо использовать критерии оценки имплицитного, т. е. скрытого поведения, к которым можно отнести мимические и голосовые выражения, жесты кисти руки, позы тела и его расположение в пространстве. Как отмечал В. Вундт, слова как звуковые обозначения вызывают у воздействуемого ассоциации с определенными объективными процессами¹⁴⁹, которые для человека являются реальными. Исследователи Экман и Фризен установили, что наибольшей информативностью обладают мимические знаки, затем идет кисть, ступня и нога. Согласно их гипотезе, части тела, обладающие меньшей емкостью канала, дают больше информации о неискренности. Иными словами, как отмечает, А. Меграбян, положение ступней или ног человека передает наибольший максимум информации о скрываемой эмоции (или мотивах, целях. —И. П.)¹⁵⁰.

Как уже говорилось, с развитием техники, расширением информационных средств сообщения все большую актуальность начинает приобретать психическое насилие. Его опасность определяется неочевидностью и скрытностью воздействия на людей. Но в Уголовном кодексе РФ в настоящее время нет адекватных мер реагирования на опасные проявления такой деятельности человека. И потому насилие чаще уже выполняет не совершенствующую¹⁵¹, а деструктивную, разрушительную роль в обществе.

Проявление насилия характеризует также формы и средства воздействия на объект воздействия, отражающие его потребности, обусловленные, в свою очередь, мотивами.

Природа манипуляции поведением человека, отмечает С. Г. Кара-Мурза, проста и состоит в наличии двойного воздействия на психику индивида. Первый уровень представляет собой открытое сообщение. Наиболее важным в управлении является второй уровень воздействия, при помощи которого объекту посылается «закодированный» сигнал. Действие второго уровня основано на уже имеющемся у адресата «неявном», подсознательном знании, которое

¹⁴⁸ Российское законодательство: проблемы и перспективы. С. 339.

¹⁴⁹ Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб., 2001. С. 58.

¹⁵⁰ Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения. СПб., 2001. С. 116.

¹⁵¹ Насилие рассматривается здесь как элемент обратной связи.

влияет на его чувства, мнения и запускает процесс воображения в необходимом субъекту преступления направлении¹⁵².

Таким образом, у насилия имеются дополнительные к общему понятию преступления признаки: открытый способ преступного воздействия, характерный для его физической формы, и скрытый способ, свойственный для психического воздействия.

Сфера проявления деятельности субъекта насилия может иметь несколько уровней проявлений преступного посягательства. К первому, внешнему (низшему) уровню, относятся последствия в виде причинения смерти, вреда здоровью, ограничение или лишение иных прав, свобод, законных интересов. На втором уровне вред может проявляться в виде различных соматических заболеваний и (или) расстройств. Третий, глубинный уровень, затрагивает нарушение внутреннего спокойствия человека, гармоничного развития его или определенного сообщества. Единство и взаимосвязь последствий насилия определяется единой центральной нервной системой индивида.

Следовательно, воздействие на человека оказывает не только реальное применение действий физического характера. Даже их угроза способна влиять на человека и заставлять изменить поведение в ущерб правам и свободам потерпевшего. По результатам проведенных нами социологических исследований, до 63 % респондентов отмечают невозможность защититься от психического воздействия. Тем не менее его значение в правоприменительной деятельности недооценивается.

В Уголовном кодексе РФ под психическим насилием понимаются различные действия. Вместе с тем в правосознании различных людей отношение к такому посягательству крайне неравномерное. Только 100 % опрошенных судей считают психическим насилием любую угрозу. Среди других категорий респондентов не наблюдалось такого единообразия. Так, до 21 % студентов юридического факультета, 30 % осужденных женщин, 47 % женского и 29 % мужского персонала РОВД отнесли к психическому насилию угрозу причинением морального вреда. 24 % студентов, 20 % осужденных женщин, 23 % женского персонала РОВД отнесли к психическому насилию угрозу нанесением телесных повреждений.

Непосредственно уголовная ответственность за угрозу насилием предусмотрена в ст. 119 УК РФ. В указанной статье наказуемыми являются угрозы только убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью. Среди других форм психического насилия по УК РФ можно отметить угрозу причинением физического насилия, а именно – средней тяжести вреда здоровью, легкого вреда здоровью, нанесения побоев; угрозу уничтожения, повреждения или изъятия имущества (ст. 133); угрозу распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, то есть шантаж (ст. 163).

В некоторых составах психическое насилие законодателем выражается определением формы, например воспрепятствование (ст. 141, 144, 148, 149), понуждение к совершению определенных действий (ст. 133), а также принуждение (ст. 179), склонение (ст. 230), вовлечение (ст. 150, 151, 240), сопротивление (ст. 333).

Таким образом, частично психика человека и защищается нормами УК РФ, охраняющие здоровье личности, в действующем уголовном законодательстве России психическая неприкосновенность личности в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой защиты не фигурирует.

В зарубежном законодательстве по-разному подходят к криминализации насильственных преступлений, что нередко имеет свои преимущества в правоприменительной деятельности.

---

¹⁵² Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. С. 99.

сти. Так, в УК Франции 1992 г. существует глава о преступных посягательствах не только на физическую, но и на психическую неприкосновенность¹⁵³.

Согласно ст. 190 УК Республики Польша 1998 г. психическое насилие в виде любой угрозы наказуемо в уголовном порядке, если она вызывает обоснованные опасения именно у угрожаемого.¹⁵⁴

В соответствии со ст. 126 УК Швейцарии насильственные действия небольшой тяжести наказываются исключительно по жалобе потерпевшего¹⁵⁵.

Согласно § 14 гл. 3 УК Дании не подлежат уголовному наказанию любые действия, в том числе насильственного характера, если они были необходимы для предотвращения любой угрозы вреда лицу и при этом не превысили степень небольшой тяжести¹⁵⁶.

В соответствии со ст. 3 гл. 4 УК Швеции любое незаконное принуждение, которое ставит лицо в опасность оказаться в бедственном положении, наказывается за поставление лица в неблагоприятное положение¹⁵⁷. Угроза различного характера, которая принуждает другое лицо сделать, подчиниться или не сделать что-либо, согласно ст. 4 гл. 4 УК Швеции наказывается за незаконное принуждение¹⁵⁸.

Согласно ст. 262 УК Китайской Народной Республики уголовно наказуемым является принуждение путем хитрости и обмана¹⁵⁹.

В соответствии со ст. 285а УК Голландии лицо, которое умышленно устно либо жестом, письменно или с помощью изображения обращается к другому лицу с явным намерением повлиять на свободу этого лица определять свое поведение, привлекается к уголовной ответственности¹⁶⁰.

В ст. 185 УК Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за принуждение любого лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия, а в ст. 186 самостоятельным преступлением считается угроза уничтожением имущества общеопасным способом¹⁶¹.

В отношении квалификации психического насилия, его последствий и определения потерпевших возникают трудности в правоприменительной практике вследствие опосредованных психикой сторон проявлений признаков такого насилия. Как правило, о психическом воздействии говорится, когда имеются четко выраженные материальные последствия. Но и в этом случае возникают сложности с доказательством причинной связи. Исследователями отмечается, что на практике реальность угрозы насилия связывается с приготовлением или покушением, а не с психическим воздействием¹⁶².

Психическое воздействие и его признаки проявляются не только и даже не столько в поведении субъекта преступления, сколько в степени реагирования на психическое посягательство потерпевшим, которое может расцениваться человеком как реальная угроза его жизненному существованию. Так, Т. Н. Березина отметила, что, как при первоначальном вос-

¹⁵³ Новый Уголовный кодекс Франции. С. 62.

¹⁵⁴ Уголовный кодекс Республики Польша / Пер. с польск. Д. А. Барилевич и др.; адапт. пер. и науч. ред. Э. А. Саркисова, А. И. Лукашов; под общ. ред. Н. Ф. Кузнецовой. Минск, 1998. С. 71.

¹⁵⁵ Уголовный кодекс Швейцарии / Пер. с нем. А. В. Серебряниковой. М., 2000. С. 49.

¹⁵⁶ Уголовный кодекс Дании / Пер. С. С. Беляева, А. Рычева; под ред. С. С. Беляева. М., 2001. С. 20.

¹⁵⁷ Уголовный кодекс Швеции / Пер. с англ. С. С. Беляева, А. С. Михлина; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, С. С. Беляева. М., 2000. С. 17.

¹⁵⁸ Там же. С. 18.

¹⁵⁹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Пер. с китайского Д. В. Вичикова; под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2001. С. 176.

¹⁶⁰ Уголовный кодекс Голландии / Пер. с англ. И. В. Мироновой; науч. ред. Б. В. Волженкин. 2-е изд. СПб., 2001. С. 383.

¹⁶¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь / Вступ. ст. А. И. Лукашова, Э. А. Саркисовой. 2-е изд., испр. и доп. Минск, 2001. С. 140.

¹⁶² Предупреждение семейно-бытовых правонарушений / Отв. ред. Ф. А. Лопушанский. М., 1989. С. 62.

приятии жизненных ситуаций, так и в последующем, значимость происходящих событий для индивида определяется не их объективными свойствами, а в зависимости от психологических особенностей и ценностных ориентаций личности¹⁶³.

В действующем УК РФ не предусмотрено ответственности за насилие, направленное на причинение только психических страданий потерпевшему. Открытым остается и вопрос о возможности совершения истязания в виде причинения психических страданий при помощи психического насилия. В диспозиции ст. 117 УК РФ перечисляются способы истязания: путем нанесения побоев либо иными насильственными действиями. Последнее понятие относится к психическому насилию как общее к частному. Истязание психическим насилием может представлять более мучительные и изощренные страдания. Однако на практике отказывают в возбуждении уголовного дела по фактам угроз различного характера, невзирая на то, что они могут причинять психические страдания потерпевшему в силу особой значимости для него, например угрозы лишения жилого помещения¹⁶⁴. В целях уточнения состава истязания представляется целесообразным дополнить диспозицию ст. 117 УК РФ признаком «иных угроз».

Психическое воздействие способно не только причинить вред здоровью, но и может быть использовано при совершении убийства. С этим однозначно соглашался Н. С. Таганцев. Например, если какое-либо лицо находится в болезненном нервном состоянии, при котором испуг или нравственное потрясение могут причинить смерть, в действиях преступника исследователь усматривает все признаки прямого умысла¹⁶⁵: сознание, предвидение и желание. Авторы курса российского уголовного права также допускают совершение убийства путем психического насилия. Оно будет иметь место, «когда виновный, зная о болезненном состоянии потерпевшего, использует психотравмирующие факторы (например, угрозу, испуг) с целью лишения жизни»¹⁶⁶.

Психическое воздействие возможно как путем внутреннего влияния на работу мозга человека (воздействие различными способами на деятельность сознания и подсознания индивида, например гипнозом, об актуальности которого говорил еще Н. С. Таганцев¹⁶⁷), так и внешнего влияния, суть которого сводится к нарушению внешними источниками (без физического соприкосновения) биоритмов различных участков мозга.

Отсутствие в уголовном законодательстве понятия насилия приводит к рассогласованию правоприменительной практики. Из 48 уголовных дел, возбужденных по ст. 119 УК РФ и рассмотренных одним из районных судов г. Оренбурга, в 28 случаях первоначальная квалификация насилия работниками дознания или предварительного следствия в районном суде не подтвердилась, что составляет более 58 %. При этом угроза убийством может расцениваться как покушение на убийство, хулиганство. К тому же, как показало изучение уголовных дел, на практике механизм воздействия насилием не раскрывается, что следует считать основной причиной судебных ошибок.

Их предотвращению не помогают многочисленные разъяснения высшей судебной инстанции, направленные на регламентацию применения формальных понятий уголовного законодательства. Так, постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР (в дальнейшем – ВС РСФСР) № 45 от 11.12.68 г. утверждено Положение о Научно-консультативном совете при ВС РСФСР, издаются многочисленные постановления по различным вопросам, возникающим в ходе дознания, следствия, судебного разбирательства, вынесения и исполнения приговора, причем как по форме уголовных стадий, так и по их содержанию. В частности, поста-

¹⁶³ Березина Т. Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. С. 37.

¹⁶⁴ Архив Оренбургского областного суда. Уголовное дело № 22/77-1356.

¹⁶⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. С. 271.

¹⁶⁶ Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 3: Преступление против личности / Под ред. проф. А. И. Коробеева. Владивосток, 2000. С. 66.

¹⁶⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. С. 174.

новления Пленумов Верховного Суда СССР (в дальнейшем ВС СССР): № 18 от 22.12.64 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при исполнении приговора»¹⁶⁸; № 10 от 17.12.71 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке»¹⁶⁹; № 8 от 01.12.83 г. «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17.12.71 г. № 10 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке»¹⁷⁰; № 3 от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания»¹⁷¹; № 4 от 26 апреля 1984 г. «О судебной судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства»¹⁷²; № 2 от 05.04.85 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего пересмотр в порядке надзора приговоров, определений, постановлений по уголовным делам»¹⁷³; № 15 от 05.12.86 г. «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия»¹⁷⁴ и др.

Пленум Верховного Суда РСФСР, а впоследствии Пленум Верховного Суда Российской Федерации (в дальнейшем – ВС РФ) также уделял достаточно внимания реализации на практике вопросов, возникающих при рассмотрении насильственных преступлений, в частности по вопросам: возвращения дел для дополнительного расследования¹⁷⁵, назначения мер уголовного наказания¹⁷⁶; обеспечения всестороннего, полного и объективного рассмотрения судами уголовных дел¹⁷⁷; повышения роли кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел¹⁷⁸; выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума ВС РФ о рассмотрении уголовных дел и жалоб в порядке надзора¹⁷⁹; вынесения судебного приговора и соблюдения требований, предъявляемых к этому важному, итоговому документу¹⁸⁰; а также по уголовным делам об убийстве, бандитизме, грабеже и разбое, хулиганстве, изнасиловании, вымогательстве и т. д.

¹⁶⁸ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при исполнении приговора. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 18 от 22.12.64 г. // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. 4-е изд. М., 1996. С. 31–33.

¹⁶⁹ О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 10 от 17.12.71 г. // Там же. С. 75–82.

¹⁷⁰ О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17.12.71 г. № 10 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке». Постановление Пленума ВС СССР № 8 от 01.12.83 г. // Там же. С. 216–219.

¹⁷¹ О практике применения судами общих начал назначения наказания. Постановление Пленума ВС СССР № 3 от 29 июня 1979 г. // Там же. С. 169–174.

¹⁷² О судебной судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства. Постановление Пленума ВС СССР № 4 от 26 апреля 1984 г. // Там же. С. 232–237.

¹⁷³ О применении судами законодательства, регламентирующего пересмотр в порядке надзора приговоров, определений, постановлений по уголовным делам. Постановление Пленума ВС СССР № 2 от 05.04.85 г. // Там же. С. 253–259.

¹⁷⁴ О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия. Постановление Пленума ВС СССР № 15 от 05.12.86 г. // С. 299–304.

¹⁷⁵ О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовнопроцессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования. Постановление Пленума ВС РСФСР от 17.04.84 г. № 2 в ред. постановления Пленума ВС РФ от 21.12.93 г. № 11 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. М., 1997. С. 261–266.

¹⁷⁶ О применении судами Российской Федерации законодательства, регламентирующего назначение мер уголовного наказания. Постановление Пленума ВС РСФСР от 23 апреля 1985 г. № 4 в ред. постановления Пленума ВС РФ от 21.12.93 г. № 11 // Там же. С. 267–269.

¹⁷⁷ Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел. Постановление Пленума ВС РСФСР от 21.04.87 г. № 1 в ред. постановления Пленума ВС РФ от 21.12.93 г. № 11 // Там же. С. 278–282.

¹⁷⁸ О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел. Постановление Пленума ВС РСФСР от 23.08.88 г. № 5 в ред. постановления Пленума ВС РФ от 21.12.93 г. № 11 и от 25.10.96 г. № 10 // Там же. С. 290–295.

¹⁷⁹ О ходе выполнения судами РФ постановления Пленума ВС РФ о рассмотрении уголовных дел и жалоб в порядке надзора. Постановление Пленума ВС РСФСР от 25.04.89 г. № 1 в ред. постановления Пленума ВС РФ от 21.12.93 г. № 11 // Там же. С. 295–297.

¹⁸⁰ О судебном приговоре. Постановление Пленума ВС РФ от 29.04.96 г. № 1 // Там же. С. 295–297.

При таком положении существует угроза нарушения принципа разделения законодательной и судебной властей. Несоответствие подобной практики принципу законности признавалось ранее, в частности, А. И. Рарог отмечал, что разъяснения Пленумов Верховного Суда РФ не имеют нормативного характера и не являются обязательными для судебных органов страны¹⁸¹.

Вместе с тем и определение признаков насилия не является достаточным основанием для его правильной квалификации, если нет однозначного понимания их содержания. Известно, что судебное познание, как одна из форм исследования уголовно-правовой действительности, опосредовано психикой ряда лиц, участвующих в установлении истины по уголовному делу. У каждого правоприменителя может быть свое представление о составных элементах насилия. В особенности это проявляется при квалификации оценочных понятий.

Такая проблема существовала и существует до сих пор, что ведет к определенному судебному произволу. Сложности при квалификации насилия возникают вследствие субъективности восприятия окружающей действительности правоприменителем. С. Х. Мазуков отмечал, что по причине субъективности психических процессов познания и отражаемая картина мира и отношений также является субъективной. Поэтому на практике возможна как переоценка, так и недооценка психических угроз¹⁸².

Неизвестное человек может познавать лишь через известное ему. Э. Гуссерль подчеркивал, что «повседневная практическая жизнь наивна, и происходящее в ней опытное познание, мышление, оценивание и действие погружено в заранее данный мир»¹⁸³. Судебное исследование насилия является формой ретроспективного познания. В. В. Суслов представляет его в виде некой технологической цепочки: память правоприменителя – язык – текст – окончательная интерпретация, на основании которой формируется внутреннее убеждение судьи и выносятся приговор¹⁸⁴. Поэтому текст закона, его рациональность и логичность являются одними из основных элементов правильного правоприменения, но не определяющими истину в процессе квалификации насилия. Познание окружающей действительности, как указывают В. И. Кириллов, А. А. Старченко, представляет собой единство как рационального, так и чувственного элементов¹⁸⁵.

Возвращаясь к методологической стороне вопроса, следует заметить, что формальная логика, являющаяся наукой «об общезначимых формах и средствах мысли, необходимых для рационального познания в любой области знания»¹⁸⁶ не может претендовать на единственно верный способ достижения истины без ущерба в отражении последней. Как отмечал русский философ С. Л. Франк, суть логического познания – «найти в незнакомом повторение уже знакомого и привычного»¹⁸⁷. У каждого индивида, в том числе законодателя и правоприменителя, существует собственная оценка значимости тех или иных событий, свой взгляд на существование и развитие причинно-следственных связей окружающего его мира.

С. Л. Франк полагал, что нельзя считать логическое мышление всесильным¹⁸⁸. Действительно, в практике не всегда тот или иной поступок, явление, событие можно объяснить и

¹⁸¹ Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 3. С. 53.

¹⁸² Мазуков С. Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 12.

¹⁸³ Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск; М., 2000. С. 517.

¹⁸⁴ Суслов В. В. Герменевтика и юридическое толкование. С. 117.

¹⁸⁵ Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: Учебник для юридических вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 5.

¹⁸⁶ Философский энциклопедический словарь. С. 316.

¹⁸⁷ Цит. по: Плотников А. И. Объективное и субъективное в уголовном праве (оценка преступления по юридическим признакам). С. 22.

¹⁸⁸ Там же С. 23.

понять при помощи рационального мышления, а в ряде современных наук поставлен под сомнение приоритет логических форм мышления. Так, В. Авдеев считает, что существующая реальность образна, а любое ее отражение при помощи слов, символов и понятий выражают лишь наше искаженное мнение о событии или предмете¹⁸⁹.

Логический метод познания является вполне пригодным инструментом при познании преступлений, совершаемых при помощи физического насилия, так как оно в силу своей природы всегда имеет объективные следы в реальности. Однако в процессе расследования и квалификации преступлений, элементом которых является психическое насилие, формальный метод не может дать адекватную оценку ситуации вследствие отсутствия прямой причинной связи между воздействием одного и причинением вреда другому.

Необходимо понимать чужой внутренний мир и его мировоззрение. Очевидно, такая задача будет невозможной, если наблюдатель не понимает свой мир, ведь познание любого явления, события и т. д. происходит по аналогии. Если оценивающий такое насилие не сталкивался лично с насилием или не пытается выяснить необходимые подробности предшествующей жизни потерпевшего, то он не сможет и правильно определить степень воздействия оказанного психического влияния.

Поэтому важная задача современной науки уголовного права – принятие в свой арсенал новейших достижений различных наук в теории познания, одним из которых, наряду с рациональным, логическим методом мышления, является нерациональное познание. Интуиция является одной из такой форм оценки реальности, «мостом», через который внешний и внутренний мир взаимодействуют друг с другом¹⁹⁰.

В настоящее время такая форма различения действительности признается за судьями только в виде внутреннего убеждения, так как невозможно в законодательном порядке урегулировать многообразие жизненных ситуаций. Между тем при совершении преступления все элементы объективного и субъективного характера у сторон инцидента неразрывно связаны между собой и должны быть учтены. Еще К. Юнг отмечал, что различие физического и психического установлено человеческим разумом в целях понимания природы явлений¹⁹¹. Психика пронизывает организм человека на всех уровнях: от клеточного до центральной нервной системы. В. С. Сокольский, переводя устройство человека в термины информатики, сравнивает соматические (телесные) составляющие организма с аппаратными средствами, а психические – с программными¹⁹².

Стремление «облегчить» понимание сущности насилия, превращение условности в абсолютное начало способно дать обратный эффект. Традиционное разделение единого организма на различные формы проявления его жизнедеятельности может привести и приводит к заблуждению при определении мотивов и целей деяния либо к пренебрежению важными для индивида аспектами. Физическое насилие сопровождается атрибутами психического воздействия, а страдания потерпевшего от физического вреда здоровью носят психологический характер.

Так, в случае прекращения психической связи у потерпевшего, например, при разрыве нервных окончаний с определенными частями тела до причинения насилия, он не будет физически испытывать никаких болезненных страданий, если не узнает о причиненном вреде иным образом, в частности визуально, т. е. механизм образования страданий у потерпевшего – психический.

Следует также заметить, что факт возможности психически воздействовать на человека на определенном расстоянии доказывает то, что границы индивида не ограничиваются физи-

¹⁸⁹ Там же. С. 26.

¹⁹⁰ Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Воронеж, 1999. С. 25.

¹⁹¹ Юнг К. Психологические типы / Пер. с нем.; под общ. ред. В. В. Зеленского. Минск, 1998. С. 570.

¹⁹² Сокольский В. С. Информатика медицины. С. 165.

ческими размерами его тела, а включают в свою сферу также психические явления. Поэтому преступное насильственное посягательство по своей сущности представляет единое психофизическое насилие, в котором психический уровень является определяющим характер и степень опасности преступного воздействия.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации среди угроз конституционным правам и свободам человека и гражданина, духовному возрождению России указывались: противоправное применение специальных средств воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание; девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих принятым в российском обществе; манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации); тенденции сращивания государственных и криминальных структур в информационной сфере и усиление влияния организованной преступности на жизнь общества; неразвитость правового регулирования общественных отношений в информационной сфере, что приводит к серьезным негативным последствиям на уровне личности, общества и государства.

А. А. Матвеева отмечала, что обеспечение информационной безопасности превратилось в настоящее время в глобальную проблему, стоящую перед мировым сообществом¹⁹³. Более того, в Доктрине информационной безопасности отмечается попытка разработки рядом государств концепций информационных войн, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира¹⁹⁴.

Информационная война есть не что иное, как психическое насилие и орудие господства тотального масштаба. Скрытая по форме и содержанию, информационная война приносит легкие «плоды» ее организаторам и разрушительные последствия тем, на кого оказывается психическое воздействие. «Черный» вторник 19 августа 1998 г., когда произошло резкое падение курса рубля, – иллюстрация такого влияния. Как отметил В. С. Нерсисянц, «сегодня мы живем в редкое время – время обновления как самой истории, так и ее понимания»¹⁹⁵. Объективная реальность вызывает необходимость внесения в Уголовный кодекс самостоятельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за любую форму и вид преступного насилия.

Именно разделением насилия на физическое и психическое можно объяснить возникающие сложности при квалификации насильственных действий, неполноту дознания, следственных действий и судебного рассмотрения. Высшие судебные органы предпринимают много усилий для соблюдения в уголовных процессах принципов и норм действующего законодательства, о чем свидетельствуют многочисленные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Почти в каждом бюллетене Верховного Суда РФ (в дальнейшем – ВС РФ) дается обзор судебной практики по вопросам уголовного права и процесса, но на практике продолжают нарушаться нормы или принципы уголовного права и процесса.

Достаточно многочисленные факты изменения квалификации насильственных преступлений в судах нашли свое подтверждение, в частности, в деятельности первой судебной инстанции в ходе рассмотрения 269 уголовных дел из 505 рассмотренных в 1999 г., в том числе: по факту убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и других преступлений, в особенности хулиганства. Изменение в судах первоначальной квалификации насильственных действий достигает до 82 %.

Представляется, что такая ситуация наблюдается вследствие придания необоснованной значимости форме насилия в ущерб его содержанию, приоритета физического проявления перед психическим, в частности игнорирования действительных мотивов и целей насильствен-

¹⁹³ Матвеева А. А. Информационная безопасность и проблемы совершенствования уголовного законодательства. С. 182.

¹⁹⁴ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. С. 4.

¹⁹⁵ Нерсисянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996. С. 129.

ного поведения, обусловленных социальной действительностью; непонимания роли и значимости их для субъекта, а также недооценки либо игнорирования его психического взаимодействия с потерпевшим.

Выводы

1. Преступное насилие представляет собой действия в открытой и (или) скрытой форме по объективизации мотивов субъекта, отражающих определенные его потребности, а также противоправные способы и средства достижения обусловленных этим целей, направленные на неприкосновенность человека, на индивидуальное, групповое или общественное сознание вопреки или помимо воли объекта воздействия, причинивших или способных причинить вред правам, свободам или законным интересам человека, группы, общества или государства при отсутствии в действиях обстоятельств, исключающих преступность деяния.

2. Конструктивными признаками насилия, обязательными для состава любого насильственного действия, должны быть: а) цель; б) мотивы. Мотивы связывают физическое насилие с психической деятельностью индивида и определяют цели его поведения. Без указанных элементов вина субъекта не будет криминологически обусловлена. Такой комплексный подход к квалификации физического насилия способен обеспечить достижение целей и принципов уголовного законодательства.

3. Последствия насилия могут иметь физический, локализованный характер, и психический, неопределенно широкого действия как по кругу лиц, так и по глубине проникновения. В развитом информационном обществе безнаказанное распространение психического насилия принимает угрожающий характер.

4. Физическое насилие является формой психической деятельности субъекта, которая имеет первостепенное уголовно-правовое и криминологическое значения. Характер и степень психического насилия имеет криминологическое значение для определения причин и условий, способствующих его совершению, и их устранения. Эмоции индивида являются интегрирующим показателем его жизненного опыта и способа реагирования на жизненные ситуации. Другим способом раскрытия содержания психического насилия могут являться невербальные проявления внешнего поведения. Сказанное верно как для субъекта преступления, так и для потерпевшего.

5. Разделение насильственного поведения в законодательстве на физическое и психическое и их самостоятельная квалификация препятствует достижению целей уголовного наказания. Форма деяния сама по себе не свидетельствует о его содержании. Объективная сторона не может определять субъективную только по форме поведения человека, которая может быть крайне разнообразной. Поскольку физическое насилие без психической составляющей невозможно и не имеет уголовно-правового значения, то данное преступное явление следует рассматривать как психофизическое насилие.

6. Преступное насилие нередко осуществляется информационным путем при помощи открытого и «закодированного» сигналов. В последнем случае сигнал, минуя сознание, непосредственно воздействует на подсознание, чувства и через воображение создает нужные субъекту преступления психические образы, которыми в последующем руководствуется объект воздействия в своем поведении.

7. Причины происхождения преступного информационного насилия связаны с отделением мира смысловых для человека знаков, заложенных на уровне подсознания, от реального мира, от мира вещей. Отделение произошло в результате утраты словом своего истинного значения и наделения его иным смыслом. В результате истина стала скрытой, а информация превратилась в средство преступного насильственного посягательства на человека, которое позволило тайно (при помощи обмана и заблуждения) управлять поведением людей при помощи

различных средств и форм воздействия: слов, звуков, наглядных изображений, текстов, чисел, запахов и т. д., непосредственно воздействующих на подсознание индивида.

8. Предлагается включить в интерпретационную главу УК РФ определение неприкосновенности человека: «Неприкосновенность человека – это состояние полной защищенности психофизиологической структуры человека от прямых, опосредованных или скрытых материальных и (или) информационных воздействий на подсознание, сознание или физическое тело потерпевшего в целях нарушения его внутреннего равновесия или изменения его внешнего поведения в ущерб его правам, свободам или законным интересам».

9. Представляется целесообразным дополнить УК РФ определением насилия: «Под насилием в настоящем Кодексе понимаются действия в открытой или скрытой форме, направленные против жизни и неприкосновенности человека, совершенные по мотиву причинения вреда правам, свободам или законным интересам человека.

Под угрозой насилия понимается проявление в различной форме желания (намерения) к совершению тех же действий до начала их реального исполнения».

10. В целях обеспечения защиты интересов личности, группы и общества от преступного насильственного посягательства и совершенствования уголовного законодательства предлагается следующая редакция статей УК РФ:

А. Статья 116 УК РФ: «Нанесение удара, побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса...»;

Б. Статья 117 УК РФ: «Причинение особых физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев, иных насильственных действий, включая угрозы, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса...»;

В. Статья 119 УК РФ: «Угроза насилием в любой форме, если при этом была нарушена неприкосновенность человека...»;

Г. Статья 130 УК РФ: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной психической или физической форме...».

2. Социальная природа насилия в теории и практике

Насилие, неразрывно связанное с действиями человека, рассматривается как агрессия, включающее прямое или опосредованное взаимодействие как минимум двух человеческих индивидов¹⁹⁶. Данная проблема всегда привлекала внимание общества. Различные точки зрения на преступность и ее причины высказывали в свое время Платон, Аристотель, Беккариа, Бейтам, Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Локк, Монтескье, Томас Мор, Сен-Симон, Фурье и др.¹⁹⁷ Со временем сформировалась наука криминология, предметом которой стали такие явления, как преступление, преступность, а также личность преступника. Началом происхождения криминологии считается 1885 г., когда была опубликована книга Р. Гарофалло «Криминология»¹⁹⁸.

Большинство авторов признают, что причина преступности – это социальная неустroенность либо несправедливое устройство общества и плохое воспитание человека. При этом исследователи отмечают, что насилие есть своего рода заколдованный круг и «разорвать этот круг пока не удастся»¹⁹⁹. Как отмечает Г. К. Мишин, кризис уголовного права многократно констатировался на протяжении последних полутора столетий²⁰⁰.

Но механизм возникновения насильственного поведения человека и использование насилия для разрешения возникающих между сторонами конфликтов существует и возникает не иначе, как в самом обществе. Поэтому, совершенно обоснованно считает Г. К. Мишин, о научных основах уголовной политики можно говорить с появлением науки социологии, рассматривающей общество как своеобразный организм, а государство как юридическую форму его существования²⁰¹. При этом большое значение имеет «социологический аспект изучения уголовного права»²⁰².

В подтверждение этому можно привести так называемый эффект «Маугли». Если первые пять-десять лет ребенок растет и «воспитывается» в животном мире, у него не развиваются речь, сознание, вертикальное хождение, он приобретает навыки и повадки соответствующего животного-«воспитателя». Подобное существо также способно на насильственные действия, но они направлены на удовлетворение естественных потребностей в питании или на защиту. Изощренные формы насилия и жестокости, а также пагубные привычки в виде пьянства, наркомании и иные, животному существу не свойственны. Это социальное «приобретение» человека²⁰³.

Раскрывая социальную природу преступного поведения, А. И. Долгова отмечает ее тройной механизм: а) социальная детерминация; б) дача предписаний противоправного либо про-

¹⁹⁶ Паренс Г. Агрессия наших детей / Пер. с англ. М., 1997. С. 23.

¹⁹⁷ Как отмечают криминологи, «сейчас в мире трудно найти более или менее благополучную с точки зрения уровня преступности и темпов ее роста страну. В большинстве государств с высокоразвитой рыночной экономикой на каждые 100 тыс. населения совершается 5–7 тыс. преступлений» (Цит. по: Криминологические исследования в мире. С. 3).

¹⁹⁸ Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник/Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 2000. С. 11.

¹⁹⁹ Доклад Европейского регионального подготовительного совещания к Девятому конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 28 февраля – 4 марта 1994 г. / Насильственная преступность. С. 6.

²⁰⁰ Мишин Г. К. Уголовная политика: об истоках, состоянии и перспективах научного изучения // Государство и права на рубеже веков (криминология, уголовное право, судебное право): Материалы Всерос. конф. М., 2001. С. 98.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Проблемы совершенствования уголовного закона / Под ред. В. Н. Кузнецова, С. Г. Келиной, А. М. Яковлева. М., 1984. С. 5.

²⁰³ «Исследования показывают, что преступность – явление социальное, причем, по крайней мере, в трех отношениях: по юридическому определению, историческому происхождению и своим результатам» (Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 6).

тиворечивого характера; в) постановка личности в ситуации, вынуждающие и облегчающие выбор преступного варианта поведения²⁰⁴.

Однако управлением и информацией, как двигателями прогресса, мы, по обоснованному утверждению Р. Ф. Абдеева, не овладели до сих пор, поскольку управление осуществляется в основном без обратной связи, без адаптации и учета ошибок предыдущих поколений или обретенного опыта человечества²⁰⁵. Это подтверждают результаты проведенных нами выборочных социологических исследований. Как отмечают Ф. Мостеллер, Р. Рурке, Дж. Томас, на основании изучения выборки можно сделать даже более подробные и качественные выводы, чем на основании всей большой совокупности²⁰⁶. С этим можно согласиться при условии правильности критериев исследования. Данные выводы обосновываются тем, что часть целого характеризует и целое: это подтверждает теория множеств, согласно которой «всякое множество однозначно и полностью определяется его элементами»²⁰⁷. К тому же увеличение границ выборки хотя и повышает достоверность исследований, но природу вероятности не меняет²⁰⁸: даже при больших объемах выборки частота событий равна вероятности приблизительно²⁰⁹. В нашем случае также возникает проблема соотношения общего и особенного, как того требуют принципы уголовного права, в частности вины и справедливости.

Л. А. Морозова указывала, что в научных исследованиях приоритетным ориентиром для выхода из кризисного состояния²¹⁰ является отношение к личности, ее правам и свободам как к высшей ценности и их реальная защита.

Как и любое явление, конфликт не возникает спонтанно и преступление не совершается без определенных причин и условий. Выделяются следующие структурные элементы конфликта:

- участники конфликта с их характеристиками (личность, малая и большая группа, позиция в социальной структуре, типические и личностные социально-психологические составляющие);
- причины и источники конфликта, а также противоречивые цели в конфликте (индивидуальное – групповое – общественное и другие);
- взаимодействие, т. е. всевозможные формы конфликтного поведения и действий участников, направленные на разрешение конфликта;
- физическая и социальная среда, или условия, в которых протекает конфликтный процесс (сложный и многообразный);
- последствия конфликта, которые зависят от того, как протекал конфликт, каковы его причины, условия, острота, длительность, масштабы, потенциальная и реальная наказуемость и т. д.²¹¹

Конфликты как необходимый элемент преступного насилия не являются явлениями, присущими только нашему времени. Сколько человек существует, столько он и применяет насилие. С момента возникновения уголовных запретов на определенное поведение они стали нарушаться не согласными с ними членами общества. С этими лицами стали вести борьбу различными средствами.

²⁰⁴ Криминология: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 262.

²⁰⁵ Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. С. 246.

²⁰⁶ Мостеллер Ф., Рурке Р., Томас Дж. Вероятность / Пер. с англ. В. В. Фирсова; под ред. И. М. Яглома. М., 1969. С. 23.

²⁰⁷ Пухначев Ю., Попов Ю. Математика без формул. М., 1995. С. 26.

²⁰⁸ Феликс Л. Элементарная математика в современном изложении / Пер. с фр. В. М. Боцу, А. Я. Маргулиса, А. С. Мейлихсона; под ред. Б. П. Лаптева. М., 1967. С. 140.

²⁰⁹ Ивашев-Мусатов О. С. Теория вероятностей и математическая статистика. М., 1979. С. 160.

²¹⁰ Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности. 1998. С. 4.

²¹¹ Фролов С. Ф. Социология; сотрудничество и конфликты: Учеб. пособие. М., 1997. С. 187.

Одним из эффективных способов воздействия на преступность была религия. Она могла контролировать не только поступки, но и мысли людей. Религии удалось, как верно отмечает С. М. Иншаков, в максимальной степени реализовать в сознании верующих принцип неотвратимости наказания за неугодные поступки. Причем возмездие, по религиозной идее, могло настичь не только в жизни, но и после ее окончания. Этим, в определенной мере, можно объяснить то, что количество насильственных посягательств в период расцвета церкви было низким. Последующие попытки реализовать важнейший фактор предупреждения – принцип неотвратимости наказания, не были такими успешными²¹².

Уже в древности понимали, что поведение человека зависит от его мировоззрения, взглядов, убеждений, привычек. Так, например, Фалес на вопрос «кто счастлив?», отвечал: «Тот, кто здоров телом, одарен душевными способностями и чьи природные дарования хорошо воспитываются»²¹³. Поскольку система ценностей и жизненных ориентаций человека закладывалась в социальном окружении, особое внимание уделялось нравственному и культурному воспитанию индивида. Закон в тот период, как правило, отражал моральные устои общества, представления о должном и недолжном.

Истоки насилия как крайней формы преступного посягательства, как части и целого, также закладываются в воспитании субъекта и по данной причине имеют сходные основания. Это дает основание анализировать природу преступного насилия также на причинах и условиях преступного поведения вообще.

Законы диалектики, онтологии и логики указывают на то, что насилие является следствием определенных причин бытия. Положения философии, экономики и психологии оказывают лишь позитивное влияние на криминологические исследования²¹⁴. Отрицание «диалектической взаимосвязи личности и общества»²¹⁵ всегда приводит к отрицательным последствиям.

С. С. Алексеев обратил внимание, что начиная с эпохи Просвещения именно конкретная личность, а не общество – объект внимания, в котором заключен философский и социальный смысл категории «права человека»²¹⁶. Однако, как отмечает исследователь, несмотря на то, что в последнее время произошло резкое возвышение прав человека, в гуманитарной науке до сих пор нет теории, которая бы основательно, углубленно и научно подошла к разрешению проблемы прав человека²¹⁷.

Согласно Е. Бафия, человек «ведет себя адекватно накопленному в социальной жизни опыту»²¹⁸. Поэтому, если индивид совершает преступное насилие, он воспроизводит приобретенный социальный опыт. Г. П. Новоселов обратил внимание на то, что социальная сущность преступления заключается в отношении одного члена общества к другим²¹⁹. Для предупреждения насильственного поведения необходимо выявить причины и условия, способствующие существованию преступного насилия. К общим условиям названного явления можно отнести дифференциацию материального и нематериального мира в процессе эволюции человечества.

С развитием цивилизации усиливалась поляризация населения, а вместе с этим происходило и *разделение* культуры, морали, представлений о праве и законе. Преступное и неправомерное насилие стали определять более субъективно, с учетом социального статуса.

Соответственно росло количество несогласных лиц, совершающих с формальной точки зрения самоуправные, насильственные действия. Со стороны же преступающих закон деяния

²¹² Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 4.

²¹³ Цит. по: Досократики. Минск, 1999. С. 59 (Сер. Классическая философская мысль).

²¹⁴ Криминологические исследования в мире. С. 21

²¹⁵ Петрова Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. Н. Новгород, 1999. С. 75.

²¹⁶ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 626.

²¹⁷ Там же. С. 623.

²¹⁸ Бафия Е. Проблемы криминологии. С. 72.

²¹⁹ Новоселов Г. П. Актуальные вопросы учения об объекте: методологические аспекты. С. 9.

совершались, по их мнению, с целью отмщения и восстановления справедливости, в знак протеста против окружающей действительности, как способ выживания и т. д.

Так, в качестве причин насильственных преступлений указали различные недостатки общества до 70 % опрошенных студентов старших курсов юридического факультета, 67 % правозащитников, 47 % положительно характеризующихся осужденных, 8 % отрицательно характеризующихся осужденных, 59 % персонала исправительных учреждений, 50 % судей, 46 % сотрудников РОВД (женщины) и 28 % сотрудников РОВД (мужчины).

В качестве конкретной причины насильственных преступлений назывались:

- социальная несправедливость (студенты юрфака – 36 %, осужденные за тяжкие преступления – 28 %, характеризующиеся положительно осужденные – 20 %, характеризующиеся отрицательно осужденные – 28 %, персонал исправительных учреждений – 15 %);

- протест против окружающей действительности (20 % студентов, 25 % осужденных за тяжкие преступления, 22 % персонала исправительных учреждений, 31 % сотрудников РОВД (женщины) и 14 % сотрудников РОВД (мужчины), 30 % судей);

- цель отомстить за что-либо (25 % студентов, 32 % осужденных, 45 % персонала исправительных учреждений, 23 % сотрудников РОВД (женщины) и 42 % сотрудников РОВД (мужчины); опрошенные судьи отрицали данную цель);

- способ выжить (25 % студентов, 19 % осужденных мужчин, 10 % осужденных женщин, 8 % сотрудников РОВД (женщин).

С ростом насилия пытались бороться при помощи различных видов наказаний, включая смертную казнь. Однако и в настоящее время насилие не только не сокращается, но и, наоборот, имеет крайне опасную тенденцию к росту на всех уровнях и во многих сферах общественных отношений. Одновременно в обществе происходит накопление и углубление проблем защиты человека и сообщества в целом от преступного насилия.

С. Б. Алимов верно отметил, что сущность насильственных преступлений скрыта в межличностных отношениях сторон инцидента²²⁰. До 50–80 % респондентов указывают на жизненные ситуации как основные причины насильственных преступлений. Если не устраняются причины конкретного преступного акта, то в течение определенного времени девиация поведения выходит за рамки отдельного индивида и становится проблемой коллективной. Нарушение закона в этом случае становится неким «образцом поведения», которое усваивается уже многими людьми²²¹. Данный процесс в этом случае принимает характер геометрической прогрессии.

В 60–80-е гг. XX в. одним из наиболее значимых криминологических исследований было изучение личности преступника и обстоятельств его жизни, воспитания как источник формирования преступных установок²²². В конце 80-х – начале 90-х гг. приоритетное внимание уделяется исследованию взаимосвязи преступности и происходящим в нашей стране социальным преобразованиям, а также наиболее опасным проявлениям преступности²²³, к которым относятся, в частности, насильственная.

Вместе с тем длительное время существовало и всемерно поддерживалось мнение, что социалистическое общество в своей основе не может содержать причин, ведущих к преступлениям. Такое положение лишь усугубляло криминологическую ситуацию, а сущностные аспекты насилия в теории, а особенно в практике, оставались на втором плане.

²²⁰ Алимов С. Б. Актуальные вопросы предупреждения насильственных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 38. М., 1983. С. 30.

²²¹ Бабосов Е. М. Прикладная социология: Учеб. пособие. Минск, 2000. С. 255.

²²² Криминологические исследования в мире. С. 23.

²²³ Там же.

С. Ф. Милуков обратил внимание на то, что у многих криминологов и правоведов не наблюдается органического единства криминологических и уголовно-правовых вопросов²²⁴. Обособленность криминологии от уголовного и уголовно-исполнительного права²²⁵ следует признать существенным недостатком наук криминального цикла, который приводит к определенной бессистемности исследований, законотворчества и правоприменения, не отражающих адекватно социальную природу явления. В начале 90-х гг. XX в. Э. Ф. Побегайло обоснованно заявил, что «создается впечатление, что разработчики проекта УК вообще игнорируют современную криминологическую ситуацию в России»²²⁶. С. Ф. Милуков считает, что процесс соединения криминологии и уголовного права был искусственно прерван в 1996 г. в результате принятия УК РФ²²⁷.

Причины и условия насильственной преступности могут вытекать из особенностей: а) экономической ситуации в стране; б) общей политической обстановки в государстве; в) социально-психологических отношений, господствующих в обществе. Именно такая расстановка (условная в целом) по значимости данных групп отношений, влияющих на рост насилия, представляется обоснованной. Политика всегда была концентрированным выражением экономики, – закон, выявленный основоположниками марксизма-ленинизма, и неудачный социальный эксперимент в нашей стране и ряде других государств не может отменить его.

К тому же в нашей стране была сделана попытка отойти от объективных законов развития общества и государства: было провозглашено, что революция и построение гармоничного общества может произойти не в самой развитой капиталистической стране, а в самой слабой. Там, где нарушается преемственность – всегда непредсказуемые последствия и конфликт. Неудачную попытку построения «светлого» будущего можно объяснить, видимо, недооценкой человеческого фактора. Постулат о том, что историю делают массы, оказался неистинным. Без руководящего начала люди представляют собой хаотическую толпу, и только направление энергии масс в нужном направлении способно привести к какому-либо результату. Характер результата зависит, естественно, от того, кто и куда направляет общественную силу.

В период социального эксперимента многочисленные надстройки идеологического, политического, экономического и социального характера внушали людям незыблемость провозглашенных идей, представлений и ценностей. Интересы конкретной личности не принимались в расчет, если они не соответствовали каким-либо эфемерным интересам общества. Это было очень удобно для манипуляции. И все решения принимались исходя из интересов некоего абстрактного «народа». Там, где не учитывается человеческий фактор, не создаются условия для свободного, творческого труда, не возникает и сознательное, ответственное отношение к труду, который может быть производительным и от которого зависят валовой национальный доход, благосостояние каждого человека и, соответственно, благополучие в государстве.

Н. И. Матузов указывает: право на достойное человеческое существование в Конституции России не закреплено, что противоречит международным нормам²²⁸, а проблема соблюдения прав человека, по утверждению В. Н. Кудрявцева, так и осталась нерешенной²²⁹, что не способствует снижению криминологической напряженности. При таких обстоятельствах правовой и нравственный нигилизм общества и отдельного человека как условия, способствующие росту преступного насилия, является закономерным результатом.

²²⁴ Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 24.

²²⁵ См.: Там же.

²²⁶ Там же. С. 24.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Матузов Н. И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. № 4. С. 31.

²²⁹ Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 144.

Исследователями уже не первый год отмечается, что Россия в настоящее время находится «на краю пропасти»²³⁰. На заседании Президиума Российской академии наук 19 февраля 2002 г. было признано, что «криминальная ситуация в России приблизилась к опасной черте, за которой следует распад гражданского общества и паралич власти»²³¹. Из опрошенных нами респондентов подавляющее большинство (от 50 до 90 %) оценивают состояние преступности в обществе и государстве как высокое или критическое, а также, в равной мере, степень коррупции в различных органах власти, управления, правоохранительных и судебных органах, в прокуратуре. Следует отметить, что сравнительный анализ криминологических показателей, проведенный автором, показал наличие прямо пропорциональной связи между ростом общей и насильственной преступности.

Кризис в стране в 80-е гг. и резкая смена идеологического курса не могли не сказаться на изменении системы ценностей и отношении к существующему порядку со стороны части населения, воспитанной в ином духе. При подмене истинных ценностей суррогатами возникает необходимость делать определенные усилия для умирения недовольных. Эту роль выполняла, в основном, идеология и меры уголовных репрессий. Но идеология полностью скрыть противоречия не могла, о чем свидетельствует большое количество диссидентов в бывшем СССР, а меры уголовного характера являлись своеобразным бумерангом. В наибольшей степени число совершающих наиболее очевидные и опасные посягательства на личность, возросло за счет лиц, родившихся в 1960-х гг. и ранее.

Такие выводы вытекают из анализа количества лиц, совершивших убийства и покушения на убийства. Их численность в зависимости от возраста в 1991 г. в России распределилась следующим образом: от 14 до 17 лет – 550 человек; от 18 до 29 лет – 4508; от 30 и старше – 8466. В 1995 г. эти цифры составили соответственно 1458, 8155 и 14737²³². В последующие годы общая статистика также подтверждает рост числа лиц, совершивших преступные посягательства, в частности число лиц, совершивших преступления в 1997 г. в возрасте от 14 до 17 лет составило 57,8 тыс. человек, от 18 до 29 лет – 564 тыс., от 30 и старше – более 645 тыс.; в 2000 г. соответственно 178,3; 754 и 809 тыс. человек²³³. В 2001 и 2002 гг. официальная статистика показывает некоторое снижение показателей преступности²³⁴, что может объясняться иными причинами, адекватно не отражающими криминологическую ситуацию.

При смене идеологий в период перестройки страна пережила состояние хаоса, характер и степень последствий от которого еще не полностью осознаны. Разумный и необходимый контроль государства в переходный период отсутствовал, и страна была отброшена в историческом развитии в эпоху «дикого капитализма». Как отмечают С. В. Бородин и В. В. Лунеев, обвальное разрушение социально-правового контроля за противоправным поведением в конце 80-х и в 90-е гг. привело не только к интенсивному росту преступности, но и ее серьезным качественным изменениям²³⁵. Этому способствовало появление и функционирование в обществе так называемой теневой юстиции²³⁶. О недопустимости борьбы с преступностью «путем проведения очередных “кампаний”, шараханий и крайностей» говорилось в обращении Пре-

²³⁰ Российское правоведение: первая половина 90-х годов / Рос. АН, Ин-т науч. информации по общественным наукам; под ред. Е. В. Алферова, В. В. Маклакова. М., 1995. С. 6.

²³¹ Президенту Российской Федерации В. В. Путину / Принято на заседании Президиума Российской академии наук 19.02.2002 г. // Государство и право. 2002. № 4. С. 2.

²³² Преступность и правонарушения (1991–1995). Статистический сб. С. 62.

²³³ Россия в цифрах. 2003. С. 138.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Бородин С. В., Лунеев В. В. О криминологической экспертизе законов и иных нормативных актов. С. 40.

²³⁶ Скобликов П. А. О мерах по предупреждению функционирования в России «теневой» юстиции // Государство и право. 2002. № 2. С. 50.

зидиума Российской академии наук от 19 февраля 2002 г. к Президенту Российской Федерации В. В. Путину²³⁷.

Исследователями отмечается, что если раньше причинам преступлений уделялось больше внимания, то сейчас круг проблем сужен и акцент переносится на рассмотрение вопросов, имеющих текущий характер²³⁸. Большинство респондентов считают, что сотрудники правоохранительных органов не устанавливают причины и условия, способствующие совершению преступлений (в том числе 64 % сотрудников РОВД, 70 % судей и 100 % правозащитников), а суды не принимают меры для устранения таких обстоятельств (57 % сотрудников РОВД, 67 % правозащитников и 100 % (!) судей). Вместе с тем, не изучая обстоятельства, способствующие совершению насильственных преступлений, невозможно выполнить задачи уголовного законодательства по их предупреждению.

Вследствие этого, отмечает В. Н. Кудрявцев, «реальное состояние законности в нашей стране далеко от идеала»²³⁹. В свете сказанного насущной потребностью является пересмотр с правовой и логической точек зрения содержания принципов законности, виновности, справедливости и гуманизма в уголовном праве и приведение их правоприменения в соответствии с теорией.

С. В. Бахин отмечает, что «человеческое измерение» должно быть сущностным содержанием государственной политики и законов²⁴⁰. Н. И. Матузов также обращает внимание на бесспорность древних истин: «человек – мера всех вещей»; «все процессы реакционны, если рушится человек»²⁴¹. Исследователь обоснованно приводит примеры противоречий государственного устройства, когда «право есть, а блага нет, закон действует, а цели не достигаются. Все крутится как бы на холостом ходу, усилия тратятся “на гудок, а не на движение”. Россия единственная страна, где государству нельзя доверять, ибо оно постоянно обманывает, не выполняет свои обещания, меняет “правила игры”, нередко задним числом»²⁴².

Научные исследования, юридическая и социальная практика раз за разом подтверждали связь преступности с социально-экономическими и иными общественными процессами²⁴³. Достаточно заметить, что застойные явления 70-х – начала 80-х гг., которые были охарактеризованы как «предкризисное состояние» нашего общества, стали прямой причиной возрастания насильственной преступности в эти годы.

И наоборот, курс на перестройку, провозглашенный в 1985 г., когда руководство страны открыто заявило о недостатках нашего общества и необходимости их устранения, привел к снижению преступности в течение трех лет. Затем, ввиду отсутствия перемен, официальная статистика вновь регистрирует резкий скачок роста преступности²⁴⁴. Как отметил В. Н. Кудрявцев, данный факт объясняется крупными социальными изменениями, происходящими в стране²⁴⁵.

Ухудшение экономической ситуации привело к росту насильственной преступности. Если в 1970 г. в России было осуждено 9119 человек за убийства и покушения на него, в

²³⁷ Президенту Российской Федерации В. В. Путину. С. 2–3.

²³⁸ Криминологические исследования в мире. С. 24.

²³⁹ Кудрявцев В. Н. Законность: содержание и современное состояние // Законность в Российской Федерации. М., 1998. С. 6.

²⁴⁰ Бахин С. В. Всеобщая декларация 1948 г.: от каталога прав человека к унификации правового статуса личности // Правоведение. 1998. № 4. С. 10–11.

²⁴¹ Матузов Н. И. Теория и практика прав человека в России. С. 24.

²⁴² Там же. С. 29.

²⁴³ Там же. Преступность и уровень жизни / Пер. со швед. М., 1982. С. 56.

²⁴⁴ Судебная статистика. Преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1923–1997 годов) / Под ред. И. Н. Андрияшечкиной. М., 1998. С. 7.

²⁴⁵ Актуальные проблемы уголовной политики // Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории. Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 27–28 января 1994 г.). М., 1994. С. 7.

1994 г. – 19 268²⁴⁶; то в 2002 г. – 20 100 человек²⁴⁷; за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью соответственно 12 421, 34 472²⁴⁸, 38 200²⁴⁹. Число лиц, осужденных за разбойные нападения, выросло с 1992 по 2002 г. с 11 до 26,3 тыс.²⁵⁰.

Основной причиной роста преступности следует признать отсутствие тщательно продуманных социальных и законодательных преобразований. Об этом свидетельствуют, в частности, данные об увеличении почти до половины осужденных из категории трудоспособных, но не работавших и не учившихся членов общества²⁵¹. Многие специалисты вынуждены были подрабатывать в других местах, заниматься мелкой коммерцией, укрывать часть доходов в целях обеспечения своего существования, «входить тем или иным образом в сферу преступности, нарушать закон или быть жертвами преступных посягательств, в том числе на их жизнь и здоровье»²⁵².

А. С. Михлин и Л. В. Яковлева приводят данные, вызывающие серьезную озабоченность: за истекшие 30 лет доля не имевших к моменту ареста осужденных определенного занятия и легального источника дохода выросла с 10,6 до 56 %.²⁵³ Неравенство в обществе обострилось, а насильственные имущественные и экономические преступления возросли. Об этом свидетельствует статистика, хотя она и отражает, по утверждению Б. В. Волженкина, лишь малую часть преступлений²⁵⁴. Данные криминологов свидетельствуют о том, что размеры латентной преступности в сфере экономики колеблются от 40 % общеуголовных преступлений до 95 %²⁵⁵. Кейнс отмечает, что хотя и существуют «извечные социальные и психологические оправдания значительного неравенства доходов и богатства, однако не для столь большого разрыва, какой сохраняется в настоящее время»²⁵⁶.

Как следствие, все чаще стали совершаться преступления против жизни и здоровья человека лицами, утратившими свой прежний социальный статус²⁵⁷. Среди осужденных лиц, в частности в Оренбургской области, более половины не имели постоянного источника доходов.

Проблемы социального характера нередко приводят к алкоголизму и насильственным преступлениям, связанным с ним. По сведениям учетных карточек преступлений, обнаруживается прямая связь роста насильственных преступлений с алкоголизмом и привлечением ранее лиц, их совершающих, к уголовной ответственности. Наиболее характерна данная связь при совершении убийства (в более половине исследованных случаев), угрозы убийством, хулиганства, умышленном причинении тяжкого вреда здоровью и нанесении побоев.

В. В. Лунеев, обращая внимание на постоянный рост социальной базы терроризма, указал в качестве основных социально-экономических причины, выраженные в *величайшей социальной несправедливости*²⁵⁸. По результатам проведенных нами социологических опросов, до 28 % респондентов заявили, что понимают и сочувствуют представителям преступного обще-

²⁴⁶ Судебная статистика. Преступность и судимость. С. 29.

²⁴⁷ Россия в цифрах. 2003. С. 139.

²⁴⁸ Судебная статистика. Преступность и судимость. С. 29.

²⁴⁹ Россия в цифрах. 2003. С. 139.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Судебная статистика. Преступность и судимость. С. 36.

²⁵² Криминология: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 449.

²⁵³ Михлин А. С., Яковлева Л. В. О некоторых итогах специальной переписи осужденных 1999 г. // Государство и право. 2002. № 3. С. 42.

²⁵⁴ Волженкин Б. В. Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистики и мифы об экономической преступности // Материалы Междунар. науч. конф. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. «Уголовное право в XXI веке». М., 2002. С. 86.

²⁵⁵ Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В. А. Власихина. М., 2000. С. 9.

²⁵⁶ Цит. по: Бункина М. К., Семенов В. А. Экономика и психология. На перекрестке наук: Учеб. пособие. М., 1998. С. 200.

²⁵⁷ Криминология: Учебник для юридических вузов. С. 454.

²⁵⁸ Лунеев В. В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право. 2002. № 6. С. 36.

ства, а 64 % ответили, что могли бы совершить действия, нарушающие закон именно в целях восстановления справедливости. Все большая и большая часть населения в ходе перестройки теряла постоянный источник дохода или работу (коэффициент безработицы, к примеру, в Оренбургской области в 2000 г. составил 10,7 %).

Те же лица, которые остались на прежних местах, столкнулись с иными проблемами, в частности задержками и невыплатами заработной платы, невозможностью даже физического проживания на одну зарплату, не говоря о создании достойных условий существования (численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в частности, в Самарской области в 1999 г. составила 23 %).

Е. М. Бабосов указывает на неразрешимое противоречие между конкретной жизненной ситуацией и социальной нормой как на причину отклонения поведения от последней²⁵⁹. Данный вывод характерен и для насильственного поведения. В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук убеждены, что к совершению преступлений людей толкает «увеличение разрыва между потребностями и возможностями людей, что особенно характерно для периодов экономического спада, кризисных и предкризисных состояний общества»²⁶⁰.

Другой причиной могут служить различные неблагоприятные процессы, происходящие в массовом общественном сознании в связи с несовершенной политической, правовой и нравственной системами, что приводит к завышенным и извращенным потребностям. Если потребности не могут быть удовлетворены законным способом, человек пытается разрешить эту проблему, преступая закон.

Последствия завышенных потребностей являются мощным криминогенным фактором насилия. С одной стороны, обладатель несоразмерных для человеческого существования материальных средств может быть объектом насилия, так как в сознании определенной части общества он персонифицируется с несправедливостью, злом и т. д. С другой стороны, такое лицо может стать субъектом насилия по мотивам защиты своего состояния от возможных посягательств, поскольку понимание степени и пределов защиты у каждого индивидуальное.

Резкий рост насильственной преступности в последнее время – одна из закономерностей развития нашего общества. Из ничего ничего не возникает. Каждая причина порождает свое следствие и каждое следствие имеет свою причину. Г. В. Антонов-Романовский отмечает, что «рост насилия в России в 90-е годы свидетельствует о серьезном заболевании реформируемого общества»²⁶¹. Д. А. Шестаков считает рост преступности выражением более общей возрастающей тенденции человечества к саморазрушению, в основе которой находятся социальные противоречия, порождающие неудовлетворенность личности и, в совокупности, неблагоприятные жизненные ситуации²⁶², в чем можно усмотреть элемент саморегуляции любой системы в процессе ее определенного развития.

Отдельными авторами обосновывается точка зрения не только о постоянной и неизбежной величине преступности, но и количестве выявленных и невыявленных преступников. Так, Д. А. Ли предложил логико-математическое объяснение преступности как социального явления. Согласно его теории, константа дисгармонии в природных системах составляет около 6 %, следовательно количество преступлений в конкретном обществе должно составлять 5,6 % от общего числа населения, а количество выявленных и невыявленных преступников соответ-

²⁵⁹ Бабосов Е. М. Прикладная социология. С. 252.

²⁶⁰ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права: Учебник для юридических факультетов и институтов. М., С. 180.

²⁶¹ Антонов-Романовский Г. В. Роль права в разрешении насильственных конфликтов // Государство и право на рубеже веков (криминология, уголовное право, судебное право): Материалы Всерос. конф. М., 2001. С. 8.

²⁶² Шестаков Д. А. Уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 155.

ственно 24 % и 76 %²⁶³. Если последовательно руководствоваться данной теорией, то следует расформировать все правоохранительные органы, так как их роль в разрешении криминальной ситуации не усматривается. Но вытекающий логический вывод неприемлем, хотя бы с точки зрения закона эволюции.

В. Райх обратил внимание на то, что современные теории поведения личности придали забвению базовое положение первых психоаналитических теорий, в основе которых находился конфликт между инстинктом и внешним миром²⁶⁴. По мнению автора, причина, по которой общество требует подавления инстинктов, имеет не столько психологический, сколько социальный или, точнее, экономический характер²⁶⁵. Истоки критической имущественной поляризации населения, порождающей социальные противоречия, и, соответственно, попытки насильственного способа их разрешения следует искать в прошлом.

Дифференциация общества возникла вместе с разделением труда и повышением его производительности. Последние явления привели к образованию прибавочного продукта, достаточного для того, чтобы на него возможно было существовать лицам, непосредственно не участвующим в процессе производства, что, в свою очередь, способствовало образованию особой прослойки общества, занимающейся управленческими функциями. При наличии определенных преимуществ данная система способна порождать существенные противоречия, связанные с несправедливым распределением совокупного общественного продукта, что рано или поздно порождает социальную напряженность и приводит к возникновению конфликтов и насильственных преступлений.

А. А. Тиле подчеркнул, что марксизм, делая упор на ликвидации частной собственности на средства производства, забыл о распределении общественного продукта: «Именно отсюда возродилась средневековая система эксплуатации зависимого населения монопольным коллективным собственником – государством, распределяющим блага и забирающим себе львиную долю»²⁶⁶. Во время же процесса приватизации коллективный собственник незаметно и благополучно трансформировался в частного.

В результате численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за период с 1996 по 1999 г. в Оренбургской области возросла с 27,2 до 35,5 %, а количество безработных за период с 1995 по 2000 г. увеличилось с 76,2 до 122,2 тыс. человек. В Самарской области за период с 1996 по 1999 г. произошло увеличение численности населения, находящегося за чертой бедности, с 19,5 до 23 тыс. человек, а количество безработных возросло с 130,6 до 137,2 тыс. В Свердловской области также наблюдается увеличение числа лиц без официального источника средств к существованию, в частности, за период с 1995 по 1998 г., с 200,9 до 231 тыс. человек. В связи с этим противоречия в обществе обострились в значительной степени, а криминализация населения подходит к критическому уровню. Причем, подчеркивают М. К. Бункина и В. А. Семенов, что неравенство как явление «сопротивляется» переменам, «консервативно по своей природе»²⁶⁷.

В целом этапы развития общества, ведущие к насильственным преступлениям, можно представить следующим образом: разделение труда – отчуждение производителя от продуктов его труда – возникновение противоречия между потребностями человека и возможностями для его реализации – нарастание напряженности и поиск законного способа разрешения конфликта – отсутствие вариантов правомерного решения конфликта интересов (или незнание их в силу правовой неграмотности или низкой нравственной культуры). Фаза поиска закон-

²⁶³ Ли Д. А. Преступность как социальное явление. М., 1997. С. 6.

²⁶⁴ Райх В. Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков / Перев.; общ. ред. и вступ. ст. А. В. Россохина. М., 1999. С. 245.

²⁶⁵ Там же. С. 246.

²⁶⁶ Тиле А. А. Право абсурда. Социалистическое феодальное право. М., 1992. С. 62.

²⁶⁷ Бункина М. К., Семенов В. А. Экономика и психология. На перекрестке наук: Учеб. пособие. М., 1998. С. 198.

ного способа разрешения конфликта предполагает критический анализ ситуации, в том числе и своего поведения. При отсутствии такового, что чаще всего и происходит, человек поступает так, как научен. До 30 % осужденных, страдающих наркоманией, и до 40 % опрошенных судей согласны с тем, что насилие объясняется привычным, т. е. приобретенным образом поведения преступника.

Некоторые авторы указывают на биологическую основу совершения преступлений. Здесь необходимо заметить, что к происхождению преступного насилия данный вывод также имеет отношение. Жизнь человека вообще и его становление без информации невозможны. Информация передается, в том числе, через гены: «У всех живых организмов сходные системы осуществляют сначала транскрипцию (переписывание), а затем трансляцию (перевод) генетической информации, хранящейся в генах»²⁶⁸. Исследуя психические характеристики личности, генетик В. Колпаков отметил, что «генетическое участие в формировании преступного поведения есть, оно просматривается»²⁶⁹.

Следовательно, противопоставление социологической и биологической теорий поведения человека удаляет от истины. Гены организма по своему содержанию осуществляют не что иное, как прием-передачу информации, ребенку передается информация не только о конституции своих родителей, но и, в силу взаимосвязи психического и физического устройства человека, т. е. психологического характера. Таким образом, в частности, происходит материализация идей, а также отражение в реальности поступков индивида.

Определяющим в поведении человека является социальное начало, которое может передаваться и генетическим путем через родителей, отражая социальные условия жизни последних. А. Валентинов, отмечая, что в настоящее время наблюдаются признаки генетической деградации нации, считает это следствием господства тоталитаризма²⁷⁰. А. Г. Спиркин определяет человека как целостное единство биологического, психического и социального уровней, «которые формируются из двух – природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного»²⁷¹. Поэтому всякое преступление, как признавал в свое время Э. Ферри, является «результатом взаимного и неделимого воздействия двоякого рода причин: биологических условий преступника и физических и социальных условий среды, в которой рождается, живет и действует преступник»²⁷².

Таким образом, всякий «человеческий поступок есть “кирпичик” социальной действительности; не может быть поступка вне общества. В этом смысле любое поведение социально»²⁷³, и преступность – явление социальное: «Она социальна потому, что складывается из деяний, совершаемых людьми и против интересов всего общества или господствующей его части. Преступность социальна по своему происхождению, содержанию и судьбе»²⁷⁴. Человеку подвластно изменить социальное устройство общества, то есть именно социологический подход может указать пути решения стоящих перед обществом проблем.

Как отмечают исследователи, социология права открыла путь для более достоверных и откровенных анализов и оценок явлений и процессов, влияющих на правотворчество и правоприменение²⁷⁵. В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук верно определили, что преступления – это отражение жизненных конфликтов, неудач, социальных драм и трагедий, которые порождает

²⁶⁸ Равич-Щербо И. В. Марютина Т. М., Гоцгоренко Е. Л. Психогенетика / Под ред. И. В. Равич-Щербо. М., 2000. С. 55.

²⁶⁹ Цит. по: Лаврин А. П. Хроники Харона. М., 1993. С. 228.

²⁷⁰ Цит. по: Волков Б. С. Научно-технический прогресс и проблемы науки уголовного права. С. 95.

²⁷¹ Спиркин А. Г. Философия. С. 347.

²⁷² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: В 2 т. Т. 1. С. 7.

²⁷³ Механизм преступного поведения / Под ред. В. Н. Кудрявцева, Л. Г. Ионина, В. П. Казимирчука, И. Л. Петрухина, В. А. Туманова, А. М. Яковлева. М., 1981. С. 8.

²⁷⁴ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1963. С. 173.

²⁷⁵ Российское законодательство: проблемы и перспективы. С. 32.

общественная жизнь²⁷⁶. Только социальная среда и практика могут являться подлинными критериями эффективности действия закона²⁷⁷. Социологический путь познания природы преступного поведения позволяет выяснить его природу, причины и механизм воспроизводства и функционирования, взаимосвязи с исторически обусловленными общественными процессами, а также пути преодоления опасных для общества проявлений²⁷⁸.

Любое преступление является формой несогласия человека с окружающей его действительностью. Согласие или несогласие определяется системой ценностных ориентаций личности, сформировавшихся не без участия окружающего общества. Насильственное поведение является крайней формой протеста лица, считающего другие формы выражения своего мнения бесполезными или неэффективными, что подтверждают результаты проведенных нами социальных исследований.

В какой-то мере насилие можно признать способом существования, выживания и даже совершенствования человека, на что указывает теория Ч. Дарвина²⁷⁹. Но насилие как способ выживания было допустимо, когда люди применяли физическую силу или примитивные виды оружия. К тому же выяснение отношений происходило на ограниченной территории и не представляло угрозы для человечества в целом. С учетом произошедшего во времени технического развития человечества изменения реальности привели к тому, что в настоящее время «насилие и конфликт относятся к числу наиболее серьезных проблем»²⁸⁰, перед которыми оказалось общество.

В. В. Лунеев совершенно обоснованно отмечает, что события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне стали своеобразным поворотным пунктом в новом осознании мировых угроз²⁸¹. Число человеческих жертв тогда превзошло все последствия предыдущей истории терроризма²⁸². После 11 сентября 2001 г. стали существенно меняться взгляды на соотношение общечеловеческих ценностей, роль государства в обществе и отношение к правам человека²⁸³. Данное событие является серьезным предупреждением человечеству о недопустимости бессистемного и неглубокого подхода к применению мер уголовной репрессии без выяснения и устранения причин и условий, порождающих насильственные формы поведения.

Очевидно, что негативные явления не могут исчезнуть путем законодательного запрета, если не устранить причины и условия, способствующие их появлению и развитию. Приведенные Ю. А. Тихомировым сведения о росте числа законов в перестроечное время свидетельствуют об «инфляции» законодательных актов вследствие их хаотичности, непродуманности. Так, если за период с 1938 по 1988 г. в СССР было принято чуть более 80 законов СССР, то с мая 1989 г. по июль 1991 г. их принято более 130, а с лета 1990 в течение менее двух лет в одной только России было принято более 250 законов²⁸⁴.

Как следствие этого, отмечают исследователи, в России «еще весьма живучи правовой нигилизм, недоверие к норме»²⁸⁵. По результатам проведенных нами социологических исследований было выявлено, что требованиями закона в своей жизни руководствуются только 16 % опрошенных. Следует также обратить внимание на довольно низкий авторитет правоохрани-

²⁷⁶ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. С. 173.

²⁷⁷ Проблемы законотворчества. Труды 53 / Под ред. Ю. П. Орловского, Ю. А. Тихомирова, И. Ф. Казьмина. М., 1993. С. 114.

²⁷⁸ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. С. 171.

²⁷⁹ На насилие как способ выживания человека указывали до 25 % опрошенных респондентов.

²⁸⁰ Паренс Г. Агрессия наших детей. С. 23.

²⁸¹ Лунеев В. В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним. С. 35.

²⁸² Там же.

²⁸³ См.: Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 6.

²⁸⁴ Тихомиров Ю. А. Как применять закон (практическое пособие). М., 1993. С. 4.

²⁸⁵ Российское законодательство: проблемы и перспективы. С. 10.

тельных органов, о чем свидетельствует тот факт, что явку в милицию с повинной расценили впоследствии как проявление своей глупости каждая из опрошенных женщин, осужденных к уголовному наказанию в виде лишения свободы, и 38 % мужчин. В основе такого правосознания заложено потенциальное преступное насилие.

А. Ж. Кетле считает, что общество действительно заключает в себе зародыши всех совершаемых преступлений, «потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; они, так сказать, подготавливают преступление, а преступник есть только орудие. Всякое социальное состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок проступков, которые являются как необходимое следствие его организации». Это наблюдение, которое может показаться безотрадным, напротив, очень утешительно, так как «указывает на возможность улучшения людей посредством изменения учреждений, привычек, состояния образованности и вообще всего, что имеет влияние на их быт»²⁸⁶.

Меры уголовно-правового реагирования на насильственное поведение в зависимости от адекватности самих норм и их криминологической обусловленности могут играть положительную или отрицательную роль в социальном развитии. Так, А. М. Яковлев указывал на негативную тенденцию решать важнейшие проблемы, в частности экономики, с помощью уголовного кодекса²⁸⁷, в то время как преодолеть их без существенного реформирования уголовного законодательства в эволюционном порядке и реального учета социально-экономической и биологической природы насилия невозможно.

Одной из причин отсутствия качественного изменения уголовного законодательства является также неосознание сущности насилия, имеющего не только материальные проявления в реальности. Любой конфликт можно рассматривать как борьбу за энергию. Выходящий из ситуации победителем получает заряд психической энергии и душевное равновесие, а побежденный – соответственно теряет ее. Данный факт подтвердили до 12 % опрошенных нами респондентов. Потеря жизненной (психической) энергии происходит в момент эмоционального напряжения или дискомфорта человека.

Потерпевший такую потерю ощущает, но не может это четко сформулировать и осознать. В результате происходит резкая активизация деятельности индивида в целях восстановления положения, прекращения утраты энергии и получения соответствующей компенсации. Форма и вид ее может быть как материальной, так и психической, в зависимости от ценностей и опыта субъекта. Психическая энергия, в свою очередь, может трансформироваться в любую иную энергию, как созидательную, так и разрушительную, насильственную.

Наличие энергии означает, по сути, наличие жизни, а недостаток или ее отсутствие – угасание жизни и смерть. Об этом сознательно или подсознательно известно как манипуляторам поведения человека, т. е. субъектам насилия, так и их жертвам. Никакие материальные ценности не способны заменить жизненную энергию, без которой утрачивается смысл существования индивида. Указанный аспект проблемы также имеет важное криминологическое и уголовно-правовое значение. Локк в свое время отметил: если что-то не соответствует нашим принципам, то это кажется нам невероятным и мы не можем допустить его возможности. При этом могут отвергаться даже наши собственные чувства в случае противоречия их установленным правилам²⁸⁸. Проблема преступного насилия как уголовно-правовое и криминологическое явление непосредственно возникла и трансформировалась из различных аспектов социальной действительности, правильное определение которых влияет также на юридизацию рассматриваемого явления.

²⁸⁶ Цит. по: *Мацкевич И. М.* Причины и условия преступности военнослужащих (по материалам криминологического исследования) // Правоведение. 1999. № 2. С. 165.

²⁸⁷ Цит. по: *Яковлев А. М.* Социология экономической преступности / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1988. С. 234.

²⁸⁸ Цит. по: *Дьюи Д.* Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н. М. Никольской. М., 1997. С. 32.

Выводы

1. Возникновение преступного насилия как социального явления в историческом развитии общества можно представить в виде следующей цепи событий, в основе которых лежит дифференциация материального и нематериального мира: разделение труда – отчуждение производителя от продуктов его труда – возникновение противоречия между потребностями человека и возможностями для его реализации – нарастание напряженности и поиск способа разрешения конфликта. Если в обществе принят и соблюдается цивилизованный способ разрешения конфликта, человек использует его. Если вариант правомерного решения конфликта интересов не принят или фактически не соблюдается по различным причинам, индивид может принять решение о насильственном разрешении конфликта.

2. Причины и условия для преступного насильственного поведения зарождаются в несправедливом социальном устройстве общества. Основания для возникновения насилия появляются с разделением культуры, морали, представлений о праве, законе и, соответственно, их субъективными оценками.

3. Степень несправедливости определяется глубиной несоответствия между официально провозглашенными ценностями, целями и реальными возможностями достижения их конкретным человеком. Насилие можно рассматривать как способ «согласования» внешнего окружения с внутренним миром человека.

4. Основными причинами неблагоприятной ситуации в обществе в рассматриваемой сфере следует считать мировоззренческие позиции индивида, обусловленную ими систему ценностей и несовершенство теории насильственной преступности. В частности, отсутствие освещения в теории элемента саморегулирования и оптимизации затрагиваемой сферы отношений, приводит к тому, что положения, выводы и рекомендации теории не всегда находят отражение в практике. В силу этого явление безнаказанности насильственного поведения ведет к его массовому распространению.

5. На социальную природу преступного насилия в определенной степени влияет информация, передающаяся через гены родителей.

6. Любой конфликт, нередко ведущий к насильственному поведению, означает, по своей сути, борьбу за психическую (жизненную) энергию, уменьшение или утрата которой означает угасание жизни или, соответственно, смерть. Этим определяется индивидуальное содержание преступного насилия, которое также характеризует желание устранить внутреннее сомнение в правильности своих ценностных ориентаций и их жизненного смысла.

3. Предпосылки юридизации насилия

Уголовно-правовые вопросы, связанные с человеком и насильственными проявлениями его деятельности, всегда вызывали интерес. Исследованием личности, в частности, занимались Ю. М. Антонян²⁸⁹, А. И. Долгова²⁹⁰, С. В. Дьяков²⁹¹,

С. В. Бородин²⁹², В. Н. Кудрявцев²⁹³, А. Л. Могилевский²⁹⁴, В. В. Панкратов²⁹⁵, А. Р. Ратинов²⁹⁶ и др. Но до настоящего времени единой теории, объясняющей причины насильственного поведения, условия формирования преступного поведения, его мотивы и механизм, роль преступного насилия в жизни человека и общества, а также предлагающей эффективные способы его предупреждения, не было.

Свидетельством этого является не только существование, но и рост насильственной преступности. Как указал Г. К. Мишин, до настоящего времени не выработана концепция уголовной политики, в которой бы были удовлетворительно согласованы противоположности социального и индивидуального подходов. При этом характерным отличием предлагаемых для этого решений был эклектизм²⁹⁷, который может происходить вследствие того, что криминологи-специалисты, как отмечают С. В. Бородин, В. В. Лунеев, не всегда последовательны при изучении причин преступлений²⁹⁸. Все это подтверждает также наличие постоянных проблем и изменений уголовного законодательства, на что указывают А. С. Михлин, В. И. Селиверстов²⁹⁹ и свидетелями чего мы все являемся³⁰⁰.

Рост криминальных проявлений, как отмечают исследователи, указывает на существенные недостатки как законотворческого процесса, так и правоприменительной практики. К их числу относят значительное число пробелов, противоречий и расхождений внутри системы законодательства, декларативность и неопределенность норм, «мелкотемье», нестабильность и другие³⁰¹. До 60 % респондентов указывают на неисследованность в теории и неотражение в законодательстве различных аспектов квалификации психического насилия. А. П. Гуськова отмечает недостаточное внимание к смежным наукам в целях объединения общих усилий в одном направлении³⁰². До настоящего времени не разработана идеология противодействия преступности³⁰³, что негативно сказывается на стабильности общественного устройства.

²⁸⁹ Антонян Ю. М. Взаимодействие личности преступника и социальной среды // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 28.

²⁹⁰ Долгова А. И. Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности // Там же. С. 6.

²⁹¹ Дьяков С. В. К вопросу о причинности в механизме преступного поведения. Там же. М., 1987. Вып. 45. С. 15.

²⁹² Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1990. С. 85.

²⁹³ Кудрявцев В. Н. О соединительном звене в криминологической теории: Методология и методика прикладных криминологических исследований // Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. С. 87.

²⁹⁴ Могилевский А. Л. Истоки правонарушений (социально-психологический аспект). Ашхабад-Илым, 1987. С. 84.

²⁹⁵ Панкратов В. В. Методологические вопросы объяснения причин преступности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., Вып. 35. 1981. С. 17.

²⁹⁶ Ратинов А. Р. Личность преступника и проблема ценности // Там же. Вып. 29. 1978. С. 102.

²⁹⁷ Мишин Г. К. Уголовная политика: об истоках, состоянии и перспективах научного изучения. С. 98.

²⁹⁸ Бородин С. В., Лунеев В. В. О криминологической экспертизе законов и иных нормативных актов. С. 42.

²⁹⁹ Михлин А. С., Селиверстов В. И. Проблемы правовой реформы в сфере исполнения наказаний // Государство и право. 2002. № 6. С. 46.

³⁰⁰ Можно указать на изменения, внесенные ФЗ № 162 от 8 декабря 2003 г.

³⁰¹ Проблемы законотворчества. Труды 53. С. 3–4.

³⁰² Гуськова А. П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемные вопросы науки и практики). Оренбург, 1996. С. 9.

³⁰³ Российское законодательство: проблемы и перспективы. С. 340.

Непоследовательность и половинчатость правовых реформ не позволили до настоящего времени достичь намеченного результата, в частности построения правового государства, в котором были бы реально защищены права, свободы и интересы человека и закон не нарушался. Непоследовательность и нелогичность объясняются в основном тем, что концепция детерминизма преступности прямо затрагивает вопросы свободы воли человека и его вины. Эклектизм различных теорий уголовного права можно объяснить неправильным взглядом на мироустройство и место человека в мире. В свою очередь соответствующее разрешение вины (или неразрешение) отражается на всех остальных принципах криминальных отраслей права и неизбежно сказывается в основанной на них практике.

По мнению С. П. Никанорова, целенаправленные исследования в конечном счете обеспечивают открытие требуемых эффектов. Если же они отсутствуют, возникает основание для пересмотра сделанных предложений³⁰⁴. И если стремление к абсолютному, полному и достоверному знанию, считает В. М. Богуславский, неосуществимо³⁰⁵ в силу материальной ограниченности человеческого разума, то это, как верно отмечает С. П. Никаноров, не должно приводить ни к отказу от исследований, ни, тем более, к препятствиям, в том числе в сфере нормотворчества³⁰⁶.

Одной из причин существования проблемы является невыяснение, как отметил Г. П. Новоселов, содержания и формы преступного поведения в действительном, философском понимании³⁰⁷. В результате формальное, внешнее насильственное поведение отрывается от содержания индивидуального, его мотивов, целей, состояния. Пока не будет преодолен данный разрыв, любые предложения по совершенствованию уголовного права, не направленные на его достижение, будут эклектичны. Поскольку все действия и события возникают, развиваются и прекращаются в индивидуе через его сознание и подсознание, то и выход из кризиса уголовного права и разрешение проблемы преступного насилия видится в приведении в соответствие содержания индивидуального (сознания, подсознания) требуемым в социальной действительности внешним формам поведения.

Другой причиной следует считать тот факт, что многие исследователи, по свидетельству А. В. Грошева, делают упор лишь на специфически юридический способ воздействия, в частности, привлечение к уголовной ответственности, игнорируя иные формы воздействия права на сознание и поведение людей³⁰⁸. Как верно отмечает В. В. Панкратов, уголовное право с его системой уголовных наказаний является регулятором общественных отношений, однако уголовно-правовое воздействие в историческом плане отличалось не столько своим содержанием, сколько масштабами и жестокостью.

В результате насилие возрастает, а государство не в силах с ним справиться. Сам реестр регулируемых уголовным правом отношений радикально не менялся, а набор уголовно-правовых и пенитенциарных средств даже сузился, причем их активность и эффективность снизились³⁰⁹.

В данной работе не представляется целесообразным подвергать отдельному анализу точки зрения различных исследователей по двум основным причинам. Первая заключается в том, что каждый автор в заданных своим исследованием границах прав. Вторая причина, наиболее важная и вытекающая из первой, состоит в том, что исследователями преступной

³⁰⁴ Никаноров С. П. Социальные формы постижения бытия. С. 66.

³⁰⁵ Богуславский В. М. Паскаль о достоверности наших знаний. С. 113.

³⁰⁶ Никаноров С. П. Социальные формы постижения бытия. С. 68.

³⁰⁷ Новоселов Г. П. Актуальные вопросы учения об объекте: методологические аспекты. С. 179.

³⁰⁸ Гоошев А. В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 18.

³⁰⁹ Панкратов В. В. Крах пенитенциарных доктрин в XX веке и перспективы на век XXI: оценка криминолога // Государство и право на рубеже веков (криминология, уголовное право, судебное право): Материалы Всерос. конф. М., 2001. С. 120.

насильственной преступности не в полной мере последовательно использовались при разработке теории о насильственном поведении человека и мерах его предупреждения вопросы миропонимания, мироустройства и вытекающие из них закономерности.

Вместе с тем, поскольку автором не делается открытий в вопросах устройства мира, в данном параграфе приводятся точки зрения исследователей, с которыми наши позиции по определенным аспектам проблемы совпадают и могут иметь криминологическое и уголовно-правовое значение. Такой подход представляется необходимым для полноты раскрытия проблемы преступного насилия в обществе.

Как указывают В. М. Анисимков, С. А. Капункин и М. С. Рыбак, в настоящее время весьма наблюдается все больший отход от абсолютизации диалектического метода в сторону генетического, сравнительно-логического, структурно-функционального и т. д.³¹⁰ В. П. Кохановский обращает внимание на недопустимость игнорирования принципа историзма, выражающего саморазвитие действительности во времени³¹¹.

Все причины правонарушений, отмечает А. Л. Могилевский, следует искать в сфере сознания³¹². А. В. Грошев указывает на существенную роль правосознания в механизме правового регулирования, которой в теории уделяется недостаточно внимания³¹³. В. Н. Кудрявцев обращает внимание на то, что особую роль в поведенческой ориентации играет мировоззренческая позиция человека³¹⁴, а А. И. Чучаев отмечает, что поведение личности зависит от его внутреннего состояния и адекватно его знаниям³¹⁵. Внутренняя напряженность индивида нередко обращается во внешнее насилие. Освободиться от присущих этому комплексов без внутренней трансформации человека, считает Л. В. Кондратюк, невозможно³¹⁶.

Одним из важных аспектов поведения человека и его ответственности считается свобода деяния, отсутствие которой действующее законодательство относит к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Но, как отмечается, вопросы свободы воли личности до настоящего времени являются для многих исследователей камнем преткновения³¹⁷. Эта проблема рассматривалась с различных позиций не только в теории уголовного права и криминологии, но и в философии, психологии, социологии, религии, поэзии и т. д., нередко порождая больше вопросов, чем ответов.

Кроме того, исследования производились в различных областях знаний и потому страдают разрозненностью. Отсутствует системное разрешение проблемы и в зарубежных криминологических теориях. Неразрешение этого вопроса, собственно, и определяет проблему насилия. С. С. Алексеев указывает такой тревожный факт, как «падение» (или «потеря») права в практических делах и общественном мнении – его бессилие перед реальностью и упадок престижа³¹⁸. Вполне закономерным является то, что современное положение общества, как отмечает исследователь, является катастрофичным, чему прямо способствовало создание «некоего искусственного, нежизнеспособного, уродливого, лживого организма в гигантской по масштабу стране»³¹⁹.

³¹⁰ Анисимков В. М., Капункин С. А., Рыбак М. С. Уголовно-исполнительное право: Курс лекций / Под ред. В. М. Анисимова. Саратов, 2001. С. 16.

³¹¹ Кохановский В. П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д, 1999. С. 218.

³¹² Могилевский А. Л. Истоки правонарушений. С. 14.

³¹³ Грошев А. В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования. С. 5.

³¹⁴ Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. С. 79.

³¹⁵ Чучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: Автореф. дис... докт. юрид. наук. М. 1990. С. 23.

³¹⁶ Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микркриминология). М., 2001. С. 4.

³¹⁷ Криминологические исследования в мире. С. 48.

³¹⁸ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. С. 190.

³¹⁹ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 243.

При этом исследователь отмечает, что историческая предназначенность позитивного права как в действительной реализации свободы человека, так и в преодолении произвола и насилия³²⁰. Важности ориентирования научных исследований на личность подчеркивала Л. А. Морозова³²¹. В. Г. Павлов обращает внимание на то, что, несмотря на наличие разработок по различным теоретическим и методологическим проблемам уголовного права, достижения по исследованию личности субъекта преступления, непосредственно определяющей его поведение, не столь впечатляющи³²². Г. З. Анашкин и И. М. Гальперин обращали внимание на важность взаимосвязи теории и практики³²³. Упрощенный подход к исследованию существующих связей и закономерностей окружающего нас мира и сущности человека не может не отразиться на установлении истины³²⁴.

Тем самым ставится под сомнение вопрос реализации в уголовном праве, в частности, принципов вины и справедливости, разрешение которого, по обоснованному утверждению Д. А. Керимова, невозможно без тщательного, глубокого и всестороннего изучения регулируемых общественных отношений³²⁵. Отсутствие справедливости в обществе является основной причиной, способствующей новому циклу насилия.

В настоящее время теоретические знания о причинах, порождающих насилие, условиях, способствующих этому, механизме его действия, а также о степени свободы человека с различной степенью полноты анализируются в различных науках и научных направлениях под углом своего предмета и метода. Но реальная действительность требует синтеза относящихся к насилию знаний, целостного подхода и основанных на результатах исследований практических мер к разрешению проблемы насилия.

Действительно, углубление научных исследований не может быть самоцелью. Именно их синтез позволит определить разумное направление уголовной политики. Как говорил Цицерон в книге «О высшем благе»: «Non enim paranda nobis solum, sed fruenda sapientia est», что в переводе с латинского означает: «Ибо мы должны не только копить мудрость, но и извлекать из нее пользу»³²⁶.

Еще до появления названия науки «криминология», в начале 70-х гг. XIX в. И. Я. Фойницкий высказал мысль о том, что уголовному праву, как науке о личном состоянии преступности в его выражениях – преступных деяниях, в его условиях и последствиях (наказаниях) и философскому обоснованию уголовно-юридических понятий пока недостает «объединяющей их руководящей идеи, но ждать ее уже недолго»³²⁷.

В природе насилия не существует – там происходит естественная борьба за выживание и существование. Явление насилия появляется в обществе. Субъектом и объектом насилия является человек. Именно в нем, особенностях его развития в обществе и реагирования на реальность могут находиться как причины насилия, так способы и средства его предупреждения. Отсюда разрешать проблему насилия возможно и необходимо мерами как объективного характера, так и субъективными, т. е., в последнем случае, воздействием на личность.

³²⁰ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. С. 23.

³²¹ Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности. С. 4.

³²² Павлов В. Г. Теоретические и методологические проблемы исследования субъекта преступления // Правоведение. 1999. № 2. С. 156.

³²³ Анашкин Г. З., Гальперин И. М. Об основных направлениях и актуальных проблемах уголовно-правовых исследований // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1983. Вып. 38. С. 37.

³²⁴ Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Науч. – практич. пособие. М., 1998. С. 48.

³²⁵ Керимов Д. А. Законодательная техника: Науч. – метод. и учеб. пособие. М., 1988. С. 6.

³²⁶ Цит. по: Монтень М. Опыты: Избр. главы. М., 1991. С. 106.

³²⁷ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным делом. М., 2000. С. 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.